

Багровые реки

Автор:

Жан-Кристоф Гранже

Багровые реки

Жан-Кристоф Гранже

Звезды мирового детектива

До того как занять видное место среди авторов криминально-детективного жанра, Жан-Кристоф Гранже работал журналистом, писал для целого ряда журналов во всем мире, затем стал независимым репортером. Позже он основал собственное агентство новостей. Дебютная книга Гранже – «Полет аистов» была опубликована в 1994 году, однако осталась практически незамеченной, чего никак не скажешь о его втором романе – «Пурпурные реки», увидевшем свет три года спустя. Несмотря на то что его появление на рынке не сопровождалось рекламной шумихой, роман завоевал популярность, вошел в число бестселлеров. По этой книге в 2000 году Матье Кассовицем был поставлен одноименный фильм (в российском прокате получивший название «Багровые реки»), где главные роли сыграли Жан Рено и Венсан Кассель.

Маленький университетский городок в Альпах охвачен ужасом: чудовищные преступления следуют одно за другим. Полиция находит изуродованные трупы то в расселине скалы, то в толще ледника, то под крышей дома. Сыщик Ньеман решает во что бы то ни стало прекратить это изуверство, но, преследуя преступника, он натывается на все новые жертвы...

Жан-Кристоф Гранже

Багровые реки

(Пурпурные реки)

Присцилле посвящается

I

1

«Ga-na-mos! Ga-na-mos[1 - Победа! (исп.)]».

Пьер Ньеман, судорожно сжимая рацию, глядел сверху на толпу, спускавшуюся по бетонным ступеням Парк-де-Пренс[2 - Парк-де-Пренс – стадион в Париже. (Здесь и далее – прим. перев.)]. Тысячи разгоряченных лиц, светлых бейсболок и вызывающе ярких шарфов текли вниз буйным пестрым потоком. Словно вихрь конфетти. Словно легионы обезумевших демонов. И все тот же неумолчный вопль в три пронзительные тягучие ноты: «Ga-na-mos!»

Ньеман, стоявший на крыше начальной школы, напротив стадиона, отдал по рации приказ третьей и четвертой бригадам РСБ[3 - РСБ – Республиканские силы безопасности во Франции.]. Полицейские в темно-синих мундирах и черных касках споро занимали позиции, прикрываясь пластиковыми щитами.

Классический метод. По две сотни человек у каждого выхода со стадиона плюс заслон из эрэсбешников, чья задача – не позволить фанатам команд-соперниц столкнуться, сойтись или даже заметить друг друга...

Нынче вечером, по случаю матча «Сарагоса» – «Арсенал», единственной игры в этом году, когда в Париже за победу боролись две нефранцузские команды, на стадион прислали более тысячи четырехсот полицейских. Проверка документов, личный досмотр и охрана сорока тысяч болельщиков, приехавших из обеих стран. Старший комиссар полиции Пьер Ньеман был в числе ответственных за данное мероприятие. Подобные операции не входили в его обязанности, но этот полицейский со стрижкой ежиком любил такие «разминки». Надзор и лобовые столкновения. Без протоколов и другой процедурной тягомотины. В каком-то

смысле это отсутствие формальностей грело ему душу. И потом, ему нравился боевой дух, сплотивавший в такие минуты его «армию на марше».

Первые ряды болельщиков уже спустились до нижней площадки, их можно было видеть между бетонными опорами стадиона, над выходами Н и G. Ньеман бросил взгляд на часы. Еще четыре минуты – и толпа, оказавшись снаружи, вырвется на шоссе. Вот когда возникнет опасность встреч, стычек и драк. Полицейский набрал побольше воздуха в грудь. Октябрьская ночь дышала угрозой.

Две минуты. Ньеман машинально обернулся и увидел вдали площадь Порт-Сен-Клу. Абсолютно пустую. Лишь белые водяные снопы трех фонтанов маячили в темноте, точно символы тревоги. Вдоль проспекта вереницей стояли автобусы РСБ. Рядом бродили, разминаясь, люди с касками у пояса и дубинками на боку. Резервные бригады.

И вот началось. Сперва послышался ропот: толпа угодила в проход между решетками с остроконечными прутьями. Ньеман невольно улыбнулся. Именно за этим он сюда и пришел. Болельщики бурно выражали свое недовольство. Пронзительные звуки труб перекрывали людской гомон, от адского шума дрожали бетонные трибуны. «Ga-na-mos! Ga-na-mos!» Ньеман включил передатчик и связался с командиром восточной роты Жоакеном: «Говорит Ньеман. Они выходят. Гоните их к автобусам, к бульвару Мюрата, стоянкам и входам в метро!»

С крыши здания полицейский легко мог оценить ситуацию: с этой стороны риск беспорядков был минимальный. Сегодня вечером выиграли испанцы – значит, их фанаты представляют наименьшую опасность. Английские болельщики сейчас выходили с противоположного конца стадиона, через двери А и К, у Булонской трибуны, сильно напоминая скопище диких зверей. Ньеман собирался спуститься туда, как только операция войдет в решающую фазу.

Внезапно над толпой, в свете уличных фонарей, блеснула запущенная кем-то бутылка. Ньеман увидел, как взметнулась полицейская дубинка; тесные ряды дрогнули и отступили, люди начали падать в давке. Он яростно выкрикнул в рацию: «Жоакен, мать вашу! Сдержите своих людей!»

Он кинулся к лестнице и кубарем скатился вниз с восьмого этажа. Когда он выбежал на проспект, две колонны эрэсбешников уже мчались к толпе, готовые

усмирить разбушевавшихся хулиганов. Ньеман бросился наперерез, размахивая руками и пытаясь остановить их. Дубинки уже мелькали в нескольких метрах от его лица, как вдруг справа возник Жоакен в закрытом шлеме. Подняв козырек, он яростно взглянул на комиссара.

– Господи боже, Ньеман, вы что, совсем спятили? Вы же в штатском, из вас сейчас отбивную сделают!..

Но комиссар словно не слышал его.

– Какого черта вы выпустили своих людей, Жоакен? Немедленно отведите их назад, иначе через три минуты здесь будет бойня.

Капитан Жоакен, краснолицый толстяк, сердито пыхтел. Его тоненькие усики в стиле Belle Epoque подрагивали в такт прерывистому дыханию. Из рации донеслось: «Всем... всем... всем отрядам... Булонский поворот... Улица Майора Гильбо... Скорее сюда!.. У нас проблемы!» Ньеман бросил на Жоакена злой взгляд, как будто тот был единственным виновником этого вселенского хаоса. Его пальцы до боли стиснули передатчик. «Говорит Ньеман. Сейчас подойдем». И он приказал капитану, уже чуть спокойнее:

– Я пойду, а вы пришлите туда как можно больше людей. И наведите здесь порядок.

Не дожидаясь ответа, комиссар пустился на поиски стажера, служившего ему водителем. Он пулей промчался через площадь, успев краем глаза заметить вдали официантов «Кафе де Пренс», торопливо опускавших металлические жалюзи. В воздухе витал страх.

Наконец он углядел низенького брюнета в кожаной куртке, топтавшегося возле черного седана. Грохнув кулаком по капоту, Ньеман взревел:

– Живо к Булонской трибуне!

Миг спустя оба сидели в машине. Автомобиль рванул с места так, что взвизгнули колеса. Стажер свернул налево: по шоссе, освобожденному для сил безопасности, можно было скорее проехать к выходу К. Но тут Ньемана осенило.

– Нет, – выдохнул он, – давай назад, они наверняка пойдут нам навстречу.

Машина резко развернулась, подняв фонтаны воды из луж, оставленных готовыми к атаке водометами, и вихрем понеслась вдоль авеню Парк-де-Пренс по узкому коридору между серыми полицейскими автобусами. Люди в касках, бежавшие в том же направлении, не глядя расступались и пропускали ее. Ньеман прилепил на крышу мигалку. Стажер лихо свернул влево перед лицеем Клода Бернара и снова сделал разворот, чтобы подъехать к третьему выходу со стадиона. Они миновали Отейскую трибуну. Заметив в воздухе первые облачка слезоточивого газа, Ньеман понял, что был прав: сражение шло уже на площади Европы.

Автомобиль врезался в белесую хмарь слезоточивого газа, едва не раздавив первых пострадавших, опрометью бегущих с поля битвы. Схватка, видимо, началась как раз напротив президентской трибуны. Мужчины в галстуках, женщины в сверкающих драгоценностях бежали, шатаясь и кашляя, по их лицам текли слезы. Одни искали укрытия во дворах и подъездах, другие, наоборот, взбирались вверх по лестницам стадиона.

Ньеман выскочил из машины. На площади уже дрались свирепо, не на шутку. В гряде сцепившихся тел мелькали вызывающе яркие «розетки»[4 - «Розетка» – шарф или шейный платок болельщика с цветами его команды.] английских болельщиков вперемежку с темными силуэтами эрэсбешников. Некоторые из бойцов уже ползли по асфальту, словно окровавленные слизняки; другие топтались поодаль, не решаясь пустить в ход ружья с пластиковыми пулями из страха задеть своих раненых товарищей.

Комиссар снял очки и обвязал лицо шарфом. Подбежав к ближайшему эрэсбешнику, он вырвал у него из рук дубинку и одновременно ткнул ему в лицо свое трехцветное удостоверение. Тот растерянно крутил головой: газовое облако заволокло прозрачное забрало его шлема.

Пьер Ньеман бросился к дерущимся. Болельщики «Арсенала» пускали в ход кулаки, прутья, кованые бутсы; эрэсбешники защищались, отступая под их натиском и пытаясь вызволить своих поверженных наземь собратьев. Дубинки вовсю «прессовали» собравшихся, но были бессильны остановить бешеную схватку.

Офицер ворвался в гущу толпы.

Он бил направо и налево, кулаком и дубинкой. Свалил с ног какого-то верзилу и «вырубил» его серией прямых ударов. По ребрам, в пах, в лицо. Тут же успел отбить ногой удар, грозивший ему сбоку, и, выпрямившись, с диким криком едва не сломал дубинку о шею нападавшего. Кровь бросилась ему в голову, во рту стоял странный металлический привкус. Он больше не думал, не чувствовал боли. Он помнил только одно: это война и перед ним враги.

Вдруг в сотне метров от себя он заметил странную сцену. Человек в штатском, явно раненый, из последних сил отбивался от двух державших его хулиганов. Ньеман сразу заметил струйки крови на лице несчастного, жестокие удары его истязателей, их перекошенные ненавистью черты. Он тут же все понял: значки на куртках парней и на одежде их жертвы принадлежали разным клубам.

Все ясно: сведение счетов.

Именно в этот миг избиваемый вырвался из рук своих палачей и побежал в сторону боковой улицы Нунжессер-э-Коли. Те бросились за ним. Ньеман отшвырнул дубинку, растолкал людей и пустился в погоню.

Началось преследование.

Ньеман бежал, мерно дыша и уверенно нагоняя парней, которые уже почти настигли свою жертву на тихой, безлюдной улице.

Все четверо свернули вправо и через несколько минут оказались у бассейна «Молитор», наглухо закрытого в этот поздний час. Здесь-то негодяи и схватили свою добычу. Ньеман добежал до площади Порт-Молитор, под которой проходил кольцевой бульвар, и... не поверил своим глазам: один из нападавших выхватил нож.

В синеватом свете фонарей Ньеман различил, как блестящее лезвие несколько раз вонзилось в человека, который корчился на мостовой, вздрагивая при каждом ударе. Нападавшие подняли тело и швырнули его вниз, через барьер, на шоссе.

– НЕТ! – взревел полицейский и выхватил револьвер. Опершись на капот ближайшей машины и придерживая правую руку левой, он затаил дыхание и прицелился. Первый выстрел. Мимо. Убийца с ножом изумленно обернулся. Второй выстрел. Опять промах.

Сунув револьвер на взводе в кобуру, Ньеман кинулся в погоню. Его трясло от ярости: дважды промазать оттого, что не успел надеть очки! Наконец он добежал до моста. Человек с ножом уже скрылся в кустах, росших вдоль кольцевого бульвара. Его сообщник от растерянности застыл на месте. Полицейский свалил его с ног ударом рукоятки револьвера в шею, дотащил за волосы до ближайшего столба и приковал к нему наручниками. Только после этого он перегнулся через барьер и взглянул вниз.

Тело убитого рухнуло сверху на шоссе, и несколько машин, не успев сбавить скорость, промчались по нему, прежде чем движение захлебнулось в гигантской хаотической пробке. Машины сталкивались, разбивались одна о другую, оглашая окрестности тоскливым воем клаксонов. В свете фар Ньеман заметил, как один из водителей беспомощно топчется около автомобиля, закрывая руками окровавленное лицо.

Комиссар обернулся и увидел мелькнувшую в кустах цветную нарукавную повязку убийцы, который, видимо, решил скрыться в густой листве. Вытаскивая на бегу револьвер, Ньеман кинулся следом.

Петляя между деревьями, убийца то и дело оглядывался на полицейского. Но тот и не думал прятаться: пускай мерзавец знает, что старший комиссар Пьер Ньеман сейчас вынет из него душу. Внезапно преступник скрылся за каким-то пригорком. Шум шагов и скрип гравия подсказали Ньеману направление его бегства – Отейский парк.

Серые булыжники парка слабо поблескивали в ночной тьме. Пробегая мимо оранжерей, Ньеман увидел впереди силуэт, перемахнувший через стену. Он последовал за ним и оказался на кортах Ролан-Гарроса.

Решетчатые дверцы были не заперты, и убийца беспрепятственно перебежал с корта на корт. Ньеман распахнул одну из дверей, влетел на красную площадку и перепрыгнул через первую сетку. Парень, оторвавшийся от него метров на пятьдесят, уже выказывал признаки усталости. Он едва одолел очередную сетку

и начал взбираться по лестнице между трибунами. Его преследователь, напротив, мчался вверх легко и свободно, лишь чуточку запыхавшись.

Он был уже в нескольких метрах от беглеца, как вдруг тот, достигнув последних ступеней, бросился вниз, в пустоту.

Он спрыгнул на крышу соседнего дома и вмиг исчез из виду, соскользнув с нее вниз. Комиссар отступил на шаг и, прыгнув в свою очередь, приземлился на засыпанную гравием площадку. Вокруг деревья, лужайки, мертвая тишина.

И никаких следов убийцы.

У него было два возможных прибежища – главное здание, с крыши которого он только что соскочил, и большое деревянное строение в глубине сада. Вытащив из кобуры свой MR-73, Ньеман толкнул спиной дверь позади себя. Дверь свободно открылась.

Комиссар шагнул внутрь и застыл от удивления. Перед ним был просторный холл, отделанный мрамором, с круглым каменным возвышением в центре, покрытым неведомыми письменами. На верхние этажи вела лестница с золочеными перилами. В полумраке сочно рдели пурпурные бархатные драпировки, блестели роскошные вазы... Ньеман понял, что угодил в какое-то азиатское посольство. Вдруг снаружи раздался шорох. Значит, убийца в другом здании. Полицейский бегом пересек сад прямо по газону и подобрался к деревянному строению. Дверь еще раскачивалась на петлях. Он бесшумно скользнул внутрь, и вдруг полутьма обернулась волшебным видением: это была конюшня, разделенная на красивые, чистенькие стойла, откуда на него глядели низкорослые лошадки с подстриженными гривами.

Нервно вздрагивающие крупы. Шуршание соломы. Пьер Ньеман крался на цыпочках, крепко сжимая револьвер. Один бокс, второй, третий... Справа слышался глухой звук. Полицейский резко обернулся. Нет, это просто стукнуло копыто. Легкий шум слева. Он повернул голову, но было слишком поздно. Нож уже взлетел и опустился. Ньеман успел отскочить в последний миг. Лезвие чиркнуло по его плечу и вонзилось в круп коня. Тот среагировал молниеносно: копыто с железной подковой мощным ударом раздробило лицо убийцы. Полицейский воспользовался моментом: бросившись к нападавшему, он ударил его по голове рукояткой револьвера.

В неистовстве он бил и бил, пока наконец не остановился, глядя на обезображенное лицо преступника. Оно превратилось в сплошное месиво с торчащими наружу осколками костей; выбитый глаз свисал на спутанных жилках. Убийца не шевелился; на голове у него по-прежнему красовалась бейсболка с цветами «Арсенала». Ньеман сжал окровавленное оружие обеими руками и сунул ствол в разбитый рот негодяя. Он взвел курок и закрыл глаза. Он уже приготовился выстрелить... но в этот миг откуда-то снизу послышался пронзительный писк.

Это звонил у него в кармане мобильный телефон.

2

Здание Центрального управления уголовной полиции Министерства внутренних дел тянулось вдоль одной из слишком новых и слишком симметричных улиц квартала Нантерской префектуры. Три часа спустя после описанных событий в его окнах еще теплился слабый свет. Это горела стоявшая низко, почти вровень со столом, лампа в кабинете Антуана Реймса; сам он сидел в полумраке. Напротив него, по другую сторону светового круга, вырисовывался мощный силуэт Пьера Ньемана. Только что он коротко изложил содержание своего рапорта о недавней схватке на площади Порт-Молитор.

Реймс скептически спросил:

– И как теперь этот тип?

– Англичанин? В коме. Множественные переломы костей лица. Я звонил в Отель-Дьё: врачи пытаются сделать ему пересадку кожи.

– А его жертва?

– Раздавлена машинами на кольцевой, возле Порт-Молитор.

– Господи боже! Что все-таки произошло?

– Сведение счетов между хулиганами. Среди болельщиков «Арсенала» были люди из клуба «Челси». Во время драки пара бандитов исполосовала своего оппонента ножом.

Реймс недоверчиво качнул головой. Помолчав с минуту, он спросил:

– Ну а этот твой «оппонент»? Ты уверен, что все дело в ударе копытом?

Ньеман, не отвечая, повернулся к окну. Мертвенно-бледная луна разрисовала странными узорами фасады соседних домов; над темно-зелеными холмами Нантерского парка плыли не то облака, не то радуги. Реймс продолжал:

– Никак не пойму тебя, Пьер. Зачем ты ввязываешься в подобные истории? Надзор за порядком на стадионе – вот и все, что от тебя требовалось, а ты...

Он умолк. Ньеман не реагировал.

– Тебе уже такие выходки не по возрасту, – снова заговорил Реймс. – Да и не твоя это компетенция. В нашем договоре ясно сказано: никаких столкновений, никаких актов насилия...

Круто развернувшись, Ньеман надвинулся на своего шефа.

– Давай ближе к делу, Антуан. Зачем ты вызвал меня среди ночи? Когда ты позвонил, ты еще ничего не знал об истории в парке. Так что тебе надо?

Реймс не двигался. Широкие плечи, курчавые седеющие волосы, грубый профиль. Внешность старого морского волка. Вот уже несколько лет дивизионный комиссар возглавлял Центральный отдел по борьбе с насилием над людьми – ЦОБННЛ; эта сложная аббревиатура означала на самом деле высшую инстанцию полиции нравов. Ньеман знал Реймса много лет, прежде чем тот заступил на эту административную должность; в молодости оба они были простыми сыщиками, ловкими умелыми сыщиками, в любую погоду, и в дождь и в снег, ловившими преступников на улицах. Полицейский со стрижкой ежиком подался вперед и спросил еще раз:

– Так что же?

Реймс вздохнул:

- Да тут одно убийство...

- В Париже?

- Нет, в Герноне, департамент Изер, возле Гренобля. Это университетский городок.

Ньеман схватил стул и сел напротив дивизионного комиссара.

- Я слушаю.

- Тело нашли вчера в конце дня. Оно было засунуто в расселину скалы над рекой, огибающей кампус[5 - Кампус - университетский городок.]. Очень похоже, что действовал маньяк.

- Кто убит? Женщина?

- Нет. Мужчина. Молодой парень. Кажется, университетский библиотекарь. Раздет донага. На теле следы пыток - ножевые раны, разрывы, ожоги... и еще, кажется, следы удушения...

Ньеман облокотился о стол и начал двигать взад-вперед пепельницу.

- Зачем ты мне все это рассказываешь?

- Затем, что я хочу направить тебя туда.

- Еще чего! Расследовать убийство? Да парни из гренобльской уголовки через неделю возьмут этого подонка...

- Пьер, не валяй дурака. Ты прекрасно знаешь, что эти дела так просто не делаются. Никогда. Я говорил со следователем. Он просил прислать опытного специалиста.

– Специалиста по чему?

– По убийствам. И по нравам. Он подозревает сексуальный мотив. Ну, в общем, что-то в этом роде.

Ньеман нагнулся к свету и тотчас ощутил на лице жар от мощной лампы.

– Антуан, ты чего-то недоговариваешь.

– Следователя зовут Бернар Терпант. Он мой старый приятель. Мы с ним земляки, оба из Пиренеев. Он просто в шоке, ясно тебе? И он хочет распутать это как можно скорее. Избежать шума, прессы, всего этого дерьма. Через несколько недель начало учебного года; нужно кончить расследование до этого. В общем, что тебе объяснять...

Старший комиссар встал и снова шагнул к окну. Он мрачно уставился на светящиеся точки фонарей и темную листву парка. Перед его глазами еще стояли жестокие сцены последних часов – удары ножа, кольцевой бульвар, погоня за преступником на кортах Ролан-Гарроса. В сотый раз он подумал о том, что звонок Реймса не дал ему убить человека. И еще о том, что эти приступы необузданной ярости, лишившие его рассудка и доводившие до полного безумия, грозили самым худшим.

– Ну так как? – спросил Реймс.

Ньеман обернулся:

– Я уже года четыре как не занимаюсь такими делами. Почему все-таки ты предлагаешь мне это расследование?

– Мне нужен опытный человек. Ты же знаешь, что в центральной конторе не замедлят послать туда своего человека, на результат им наплевать. – Его грубые пальцы забарабанили по столу. – Так что я пользуюсь своей скромной властью.

Комиссар ухмыльнулся, сверкнув очками в железной оправе.

– Выпускаешь волка из логова?

– Да, выпускаю волка из логова. Для тебя это удобный случай проветрить мозги. Для меня – услуга, которую я оказываю старому приятелю. По крайней мере, за это время ты больше никому не своротишь морду на сторону.

И Реймс схватил листки факса, блестящие под лампой на его столе.

– Вот первые выводы местных жандармов. Так берешься или нет?

Ньеман шагнул к столу и собрал еще теплые бумажные полосы, небрежно скомкав их.

– Я тебе позвоню. Хочу сперва узнать, что там в Отель-Дьё.

Покинув улицу Труа-Фонтано, Ньеман вернулся к себе домой, в Девятый округ, на улицу Лабрюйера. Просторная, почти пустая квартира сияла любовно, по старинке, навощенным паркетом. Он принял душ, обработал свои раны, впрочем не такие уж страшные, и взглянул в зеркало. Костистое, морщинистое лицо. Седоватый блестящий ежик волос. Очки в металлической оправе. Ньеман довольно улыбнулся своему отражению. Не хотел бы он увидеть такую физиономию на темной улице.

Достав спортивную сумку, он бросил в нее кое-какую одежду, засунул между рубашками и носками помповое ружье «ремингтон» двенадцатого калибра, коробки с патронами и speed-loader [б - Обоймы для револьвера системы «манюрен», или MR (англ.)] для своего «манюрена». Затем вынул из шкафа чехол и сложил в него два зимних костюма и несколько галстуков с затейливыми оранжевыми узорами.

По дороге к Порт-Шапель Ньеман остановился на бульваре Клиши, возле «Макдоналдса», открытого круглые сутки, и быстренько съел пару больших чизбургеров, не спуская глаз со своей машины, закрывшей выезд другим. Три часа ночи. В мертвенном свете неоновых ламп по грязному залу слонялись несколько призраков весьма знакомого вида. Негры в просторных, развевающихся одеяниях. Проститутки с длинными, заплетенными на ямайский манер косичками. Наркоманы, бродяги, пьяницы. Все эти существа принадлежали к его бывшему миру сыщика – миру улицы, покинутому им ради

кабинетной работы, почетной и хорошо оплачиваемой. Любой другой сыщик был бы несказанно рад попасть в центральную контору – еще бы, такое повышение! Для него же эта контора была клеткой – золоченой, конечно, но всего лишь клеткой, где он томился в неволе. Он снова взглянул на окружавших его ночных посетителей. Эти привидения были деревьями ЕГО леса, того самого, по которому он некогда крался бесшумной поступью охотника.

Ньеман стремительно мчался по шоссе, не выключая фар и не обращая внимания на полицейские радары и знаки ограничения скорости. В восемь утра он уже свернул на шоссе, ведущее к Греноблю. Миновав Сен-Мартен-д'Эр и Сен-Мартен-д'Юрьяж, он взял курс на Гернон, расположенный у подножия Большого Пика Белладонны. Дорога петляла среди хвойных лесов и промышленных зон. Здесь царил мрачноватая атмосфера, свойственная любому захолустью, где красота природы не в силах скрыть безнадежную заброшенность.

Наконец комиссар заметил первые щиты, указывающие направление к университету. Вдали, в мягкой хмари пасмурного утра, вырисовывались зубчатые вершины гор. На очередном вираже комиссар увидел в глубине долины университет – комплекс больших современных бетонных зданий в окружении длинных унылых лужаек. Ньеману представился туберкулезный санаторий, огромный, размером с небольшой город, – наверное, он выглядел бы точно так же.

Свернув с автострады, он поехал в сторону долины. На западном склоне горы он различил множество серебристых потоков, которые падали вниз, по пути переплетаясь между собой. Притормозив, Ньеман с легкой дрожью глядел, как эти ледяные реки, отвесно летящие сверху, то прятались в зарослях кустарника, то вырывались на свет божий непокорными ослепительно-белыми жгутами и вновь исчезали за листвой...

Полицейский решил сделать небольшой крюк. Он углубился под своды лиственниц и елей, мокрых от утренней росы, и вскоре выехал на длинную равнину, зажатую между высокими черными утесами.

Офицер затормозил, вышел из машины и достал бинокль. Он долго разглядывал местность, отыскивая неизвестно куда подевавшуюся реку. Внезапно он понял, что река, достигнув низа лощины, текла дальше как раз за этой чередой утесов. Теперь он даже мог увидеть ее в просветах между камнями.

Вдруг ему бросилась в глаза еще одна интересная деталь; он подкрутил колесико бинокля и вгляделся. Нет, ошибки быть не могло. Сев в машину, он на полной скорости погнал ее к долине. Минуту назад он увидел в проеме меж каменных глыб неизменный атрибут национальной жандармерии – желтую фосфоресцирующую ленту с надписью:

ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН.

3

Ньеман попытался съехать к проходу в скалах по узкой извилистой дорожке. Но вскоре ему пришлось остановиться – седан дальше пройти не мог. Выйдя из машины, комиссар нырнул под желтую ленту и подошел к берегу реки.

Здесь быстрому течению преграждали путь груды камней. Поток, вопреки ожиданиям Ньемана, не бурлил, не брызгал пеной, а лениво растекался небольшим прозрачным озерком, гладь которого была светла и безмятежна. Чуть дальше река сворачивала направо и, вероятно, текла через город – его сероватый силуэт уже вставал впереди в ложе долины. И тут Ньеман резко остановился. Он увидел слева от себя человека, сидевшего на корточках у берега. Комиссар инстинктивно схватился за кобуру. Но при этом у него на поясе звякнули наручники. Человек обернулся и с улыбкой взглянул на полицейского.

– Что вы здесь делаете? – грубо спросил Ньеман.

Незнакомец молчал; он снова улыбнулся и встал, отряхивая руки. Это был молодой человек с нежным лицом и светлыми тонкими, как пух, волосами. Замшевая куртка, брюки с защипками. Наконец он звонко ответил вопросом на вопрос:

– А вы?

Эта наглая реплика обескуражила Ньемана. Он ворчливо объявил:

– Полиция. Вы что, не видели ограждения? Надеюсь, у вас есть веские причины находиться тут, иначе...

– Я Эрик Жуано, из уголовной полиции Гренобля. Пришел на разведку. Трое наших должны подъехать сюда днем.

Ньеман шагнул вперед и остановился рядом с инспектором на правом берегу потока.

– А где жандармы? – спросил он.

– Я дал им полчаса, чтобы перекусили. – Он беззаботно пожал плечами. – Мне нужно было тут поработать спокойно, без свидетелей... комиссар Ньеман.

Седой полицейский удивленно моргнул. Молодой человек продолжал, все так же уверенно:

– Я вас сразу узнал. Пьер Ньеман. Бывший прославленный шеф РЕЙДА. Бывший комиссар уголовных бригад. Бывший охотник за убийцами и наркодилерами. В общем, целая куча бывших титулов...

– А что, наглость теперь входит в программу подготовки инспекторов?

Жуано насмешливо поклонился.

– Извините, комиссар. Я просто пытаюсь смахнуть позолоту со статуи кумира. Вам же известно, что вы кумир, суперсыщик, свято чтимый всеми молодыми инспекторами Франции. Вы прибыли сюда из-за этого убийства?

– А ты как думаешь?

Юный полицейский снова отвесил поклон.

– Для меня будет великой честью работать бок о бок с вами.

Ньеман смотрел на зеркальную поверхность спокойного озера у своих ног; утренний свет пронизывал воду до самого дна, откуда шло легкое зеленоватое мерцание.

- Расскажи, что ты знаешь об этом деле.

Жуано поднял глаза к возвышавшейся над ними отвесной скале.

- Тело нашли вон там, наверху.

- Наверху? - удивленно переспросил Ньеман, вглядываясь в зазубрины опасных уступов, которые отбрасывали вниз резкие черные тени.

- Да. На высоте пятнадцати метров. Убийца засунул его в расселину, придав ему странную позу.

- Какую позу?

Жуано слегка присел, опустил голову и обхватил руками торс.

- Вот такую. Позу эмбриона.

- Неслабо!

- В этом деле все неслабо.

- Мне говорили о ранах и ожогах, - продолжал Ньеман.

- Труп я еще не видел. Но, похоже, на нем и правда множественные следы пыток.

- Жертва скончалась в результате этих пыток?

- Это еще не установлено. На горле имеются глубокие борозды - похоже на удушение.

Ньеман снова взглянул на светлое озерко. Он увидел в нем свое отражение, четкое, как в зеркале, – короткая стрижка, синий плащ.

– Ну а что ты здесь нашел?

– Да ничего. Вот уже битый час ищу хоть какую-нибудь зацепку – и ровно ничего. Я так думаю, что жертву убили не в этом месте. Просто убийца привез ее сюда и запихнул между камнями.

– Ты поднимался наверх?

– Да. Там тоже ничего нет. Убийца, судя по всему, взобрался на скалу с другой стороны и спустил сюда тело на веревке. Потом спустился сам по другой веревке и засунул свою жертву в эту дыру. Ему нужно было сильно потрудиться, чтобы придать ей такую картинную позу. Совершенно непостижимо!

Ньеман опять взглянул на каменную стену, щетинившуюся острыми пиками, изборозженную глубокими трещинами. Со своего места он не мог точно определить расстояние, но ему казалось, что расселина, где обнаружили тело, находилась на равной высоте что от подножия, что от вершины скалы. Он резко повернулся.

– Поехали.

– Куда?

– В больницу. Я хочу взглянуть на труп.

Обнаженное тело, прикрытое до плеч простыней, лежало боком на блестящем столе. Человек свернулся комочком, словно прятался от удара молнии. Голова была втянута в приподнятые плечи, руки сжаты в кулаки, колени согнуты и подтянуты к подбородку. Синевато-бледная кожа, судорожно напрягшиеся мышцы, истерзанная ранами плоть – все это придавало трупу особенно реальный и оттого невыносимо страшный вид. Шея была исполосована ножом, как будто жертве пытались перерезать горло. На висках вздулись синие вены, – казалось, они вот-вот лопнут.

Ньеман поднял глаза на собравшихся в морге людей. Здесь были следователь Бернар Терпант – высокий, худой, со щеточкой седеющих усов, шеф жандармской бригады Гернона капитан Роже Барн – грузный, медлительный колосс, и капитан Рене Вермон, откомандированный розыскным отделением жандармерии, – маленький невзрачный человечек с красным лицом и сверлящими глазками. Жуано скромно стоял позади с видом усердного стажера.

– Личность установили? – спросил Ньеман, ни к кому конкретно не обращаясь.

Барн по-военному четко шагнул вперед и откашлялся, прежде чем ответить:

– Убитого звали Реми Кайлуа, господин комиссар. Возраст – двадцать пять лет. Последние три года работал в должности старшего библиотекаря в университете Гернона. Тело убитого было опознано сегодня утром его женой Софи Кайлуа.

– Она заявляла о его исчезновении?

– Да, вчера, в воскресенье, к вечеру. По ее словам, муж ушел накануне в горы, на прогулку к пику Мюре. Один, как всегда по выходным. Иногда он ночевал в одном из высокогорных приютов. Вот почему она не сразу подняла тревогу. До вчерашнего вечера ей...

Барн умолк: Ньеман обнажил труп до пояса.

Внезапный ужас отдался беззвучным криком в груди каждого из присутствующих. Весь торс жертвы был испещрен темными ранами всевозможных форм и видов. Разрезы с лиловыми краями, синевато-багровые ожоги, черные расплывчатые синяки. На запястьях и предплечьях виднелись неглубокие рубцы, как будто человека связывали проволокой или жестким канатом.

– Кто обнаружил тело?

– Одна молодая женщина... – Барн заглянул в свое досье. – Фанни Ферейра, преподаватель университета.

– Каким образом она его нашла?

Барн снова откашлялся.

– Она спортсменка, занимается рафтингом на горных реках. Ну знаете, это когда сплавляются в лодке по течению в специальном гидрокостюме и ластах. Это очень опасный вид спорта и...

– И что?

– Она остановилась перед естественной плотиной, там, где русло перегорожено камнями, у подножия хребта, окружающего университетский городок. Взбираясь на эти камни, она и заметила труп в углублении.

– Это она вам так сказала?

Барн неуверенно оглянулся.

– Ну да... конечно...

Комиссар целиком обнажил тело и обошел вокруг стола, внимательно разглядывая бледное скрюченное существо с коротко, почти наголо стриженными волосами на черепе странной остроконечной формы.

Потом он взял протянутое Барном медицинское заключение о смерти и бегло просмотрел отпечатанные на машинке листки. Документ был составлен самим директором больницы. Врач не мог точно определить время наступления смерти. Он ограничился описанием внешних ран и констатацией смерти от удушья. Для более подробного анализа следовало разогнуть труп и сделать вскрытие.

– Когда придет патологоанатом?

– Его ждут с минуты на минуту.

Комиссар подошел к умершему, нагнулся, пристально взгляделся в его черты. Молодое, пожалуй, даже красивое лицо с закрытыми глазами не носило никаких следов побоев или увечий.

– Никто не притрагивался к его лицу?

– Нет, комиссар.

– Глаза у него были закрыты?

Барн кивнул. Ньеман осторожно, двумя пальцами, слегка приподнял веко жертвы. И тут произошло немыслимое: из правого глаза медленно вытекла большая прозрачная слеза. Комиссар испуганно вздрогнул: мертвец плакал.

Ньеман бросил взгляд на окружающих, но никто из них не заметил этой ужасной подробности. Овладев собой и стараясь не привлекать к себе внимания, он снова приподнял веки мертвеца, и увиденное доказало ему, что он не сошел с ума, что это не померещилось, что это убийство было тем самым делом, которого любой сыщик или боится, или ждет, в зависимости от характера, всю свою жизнь. Выпрямившись, он резким движением накрыл тело. И сдавленным голосом попросил:

– Расскажите о планах расследования.

Бернар Терпант встал и заговорил:

– Господа, вы все понимаете, что это дело может оказаться трудным и... крайне необычным. Вот почему мы с прокурором решили объединить усилия местной полиции и национальной жандармерии. Я также пригласил старшего комиссара Пьера Ньемана, который прибыл сюда из Парижа. Вам, без сомнения, известно это имя. В настоящее время комиссар принадлежит к высшей инстанции БПН – столичных бригад полиции нравов. Мы еще ничего не знаем о побудительных мотивах данного убийства, но, вполне вероятно, речь идет о преступлении на сексуальной почве. В любом случае это дело рук маньяка. И опыт господина Ньемана будет для нас бесценным. Из этих соображений я предлагаю поручить комиссару руководство расследованием.

Барн коротко кивнул, Вермон последовал его примеру, но с гораздо меньшим энтузиазмом. Что касается Жуано, тот ответил:

– Лично я согласен. Но сюда должны прибыть мои коллеги из региональной полиции, и...

– Я им все объясню, – отрезал Терпант и повернулся к Ньеману. – Мы вас слушаем, комиссар.

Напыщенный тон Терпанта действовал Ньеману на нервы. Ему хотелось поскорее выйти отсюда и взяться за дело – одному.

– Капитан Барн, – спросил он, – сколько у вас людей?

– Восемь... Нет, извините, девять.

– Имеют ли они опыт опроса свидетелей, сбора улик, блокирования дорог, прочесывания местности?

– Ну, как вам сказать... Вообще-то мы занимаемся не совсем этим...

– А сколько человек в вашем распоряжении, капитан Вермон?

Голос жандарма прогремел, как праздничный салют:

– Двадцать. Все опытные парни. Они готовы прочесать местность, где обнаружен труп, и...

– Прекрасно. Пускай заодно расспросят всех, кто живет вдоль дороги, ведущей к реке, наведаются на бензоколонки, вокзалы и в дома рядом с автобусными остановками... Этот парень – Кайлуа – иногда ночевал в альпийских приютах. Возьмите всех их на заметку и обыщите. Жертва могла быть застигнута убийцей в одном из них.

И Ньеман повернулся к Барну.

– Капитан, я хочу, чтобы вы организовали сбор информации по всему району. Мне нужен еще до полудня список бродяг, воров и прочего сброда по всему департаменту. Проверьте всех, кто недавно вышел из тюрьмы, в радиусе трехсот километров. Сообщите мне обо всех случаях угона машин и других

краж. Расспросите служащих всех отелей и ресторанов. Разошлите повсюду факсы с вопросниками. Я должен знать все без исключения, даже самые мелкие, подозрительные факты, случаи появления каких-нибудь странных личностей. Прошу вас также составить мне список происшествий здесь, в Герноне, за последние двадцать лет и более, которые близко или отдаленно напоминали бы это дело.

Барн старательно записывал приказы. Ньеман обратился к Жуано:

- А ты свяжись с Центральной картотекой. Запроси у них список сект, магов и прочих чокнутых в вашем регионе.

Жуано кивнул. Терпант также усердно кивал головой, выражая полнейшее одобрение идей комиссара, как будто своих у него сроду не было.

- Вот этим и займитесь до получения результатов вскрытия, - заключил Ньеман. - Излишне напоминать вам, что дело должно вестись в глубочайшей тайне. Ни слова местной прессе. Да и никому другому тоже.

Собравшиеся вышли на крыльцо и направились, ускоряя шаг под мелким утренним дождиком, к своим машинам, стоявшим перед высоким внушительным зданием Регионального университетского клинического центра, построенным не менее двух веков назад. Опустив глаза, ссутулившись, не глядя друг на друга, они молча разъехались в разные стороны.

Охота началась.

4

Пьер Ньеман и Эрик Жуано тотчас отправились на окраину города, в университетский кампус. Комиссар попросил лейтенанта дожидаться его в библиотеке, размещенной в главном здании, а сам пошел к ректору, занимавшему верхний этаж административного корпуса, расположенного поодаль от всех остальных.

Полицейский вошел в просторный, недавно отремонтированный холл в стиле семидесятых годов, с высоким потолком и стенами, окрашенными в разные пастельные цвета. Поднявшись на верхний этаж в маленькую приемную, Ньеман представился секретарше и спросил, можно ли видеть господина Венсана Люиза.

Ему пришлось просидеть несколько минут в ожидании, разглядывая висевшие на стенах фотографии студентов-триумфаторов – на пьедесталах почета, с кубками и медалями в поднятых руках, на лыжне, в байдарках и каноэ на бурных реках.

Наконец Ньемана впустили к ректору. Это был человек с курчавыми волосами и приплюснутым носом, но при этом лицо его отличалось меловой бледностью. Любопытное сочетание – негроидные черты и анемичная белизна кожи. Несколько солнечных лучиков, робко пробившихся сквозь грозовой сумрак, на миг рассыпались бликами по стенам кабинета. Ректор пригласил полицейского садиться и заговорил первым, нервно массируя себе запястья.

– Итак? – спросил он сухо.

– Что – итак?

– Вы нашли какие-нибудь улики?

Ньеман уселся поудобнее и вытянул ноги.

– Господин ректор, я ведь только что приехал. Дайте мне время разобраться. А пока ответьте на мои вопросы.

Люиз тут же напрягся.

– В вашем университете уже бывали неприятные истории? – спокойно спросил Ньеман.

– Неприятные истории? Никогда!

– Ни наркотиков, ни воровства, ни драк?

- Нет.

- Может, у вас завелась какая-нибудь банда или группировка? Из молодежи, которая вбила себе в голову разные глупости?

- Я не понимаю, что вы имеете в виду.

- Ну, всякие там ролевые игры - знаете, в них полно ритуалов, церемоний...

- Нет. Это исключено. Наши студенты отличаются превосходным душевным здоровьем.

Ньеман помолчал. Ректор тем временем разглядывал его: стрижка ежиком, мощное сложение, рукоятка револьвера, торчащая из-под плаща. Люиз провел рукой по лицу и сказал - громко, словно хотел убедить себя самого:

- Говорят, вы опытный полицейский.

Ньеман, не отвечая, молча ждал продолжения. Люиз отвел глаза.

- Комиссар, я хочу только одного - чтобы вы как можно быстрее нашли убийцу. Скоро начало учебного года и...

- В настоящее время здесь есть кто-нибудь из студентов?

- Только несколько интернов. Они живут в верхнем этаже основного корпуса. Есть еще несколько преподавателей, которые готовятся к лекциям.

- Я могу получить список?

- Но... - ректор колебался, - да, конечно, это не проблема.

- Что за человек был Реми Кайлуа?

– Очень тактичный, выдержанный, хороший работник, но... довольно нелюдимый.

– Студенты его любили?

– Ну конечно... Разумеется.

– Где он жил? В Герноне?

– Да прямо здесь, в кампусе. На верхнем этаже главного корпуса, вместе с супругой. Там же, где размещены интерны.

– Реми Кайлуа было двадцать пять лет. В наши дни парни обычно так рано не женятся.

– Реми и Софи Кайлуа – бывшие студенты нашего университета. Но познакомились они, кажется, еще раньше, в коллеже кампуса, где учатся все дети наших преподавателей. В общем... они дружили с детства.

Ньеман резко встал.

– Замечательно, господин ректор. Благодарю вас.

И комиссар быстро вышел из этого кабинета, где даже воздух явственно пропах страхом.

Книги.

Повсюду, куда ни глянь, в огромной библиотеке университета, под неоновыми лампами, на металлических стеллажах сотнями рядов стояли книги.

Целые стены из тщательно подобранных томов. Темные обрезы. Переплеты с серебряным или золотым тиснением. Наклейки с эмблемой Гернонского университета. В центре зала – ряды столов с пластиковым покрытием, разделенных стеклянными перегородками. Когда Ньеман вошел, ему сразу

вспомнились тюремные кабинки для свиданий.

Здесь царили одновременно свет и полумрак, простор и теснота.

– В этом университете работают лучшие профессора, элита юго-востока Франции, – разъяснял Эрик Жуано. – Юриспруденция, экономика, литература, психология, социология, физика... И, главное, медицина – самые знаменитые врачи Изера преподают здесь и консультируют в здешнем РУКЦ – Региональном университетском клиническом центре. Медицинский факультет размещается в старых корпусах. Впрочем, они полностью отремонтированы. Тут лечится половина департамента, и все жители окрестных гор появились на свет в родильном отделении Центра.

Ньеман слушал его, присев на краешек стола и скрестив руки.

– Я гляжу, ты полностью в курсе здешней жизни.

Жуано не глядя взял книгу с полки.

– Так я же сам учился в этом университете. Начиная изучать право... Хотел стать адвокатом.

– А стал полицейским?

Лейтенант взглянул на Ньемана. Его глаза блестели в призрачном свете неоновых ламп.

– Когда подошло время сдавать на лиценциата[7 - Лицензиат – ученая степень во Франции.], я вдруг испугался: а что, если мне потом все это осточертеет? Взял да и поступил в Тулузскую школу инспекторов. Я сказал себе: ремесло сыщика – это активное рискованное занятие. Работа, которая все время преподносит сюрпризы...

– А теперь ты разочарован?

Лейтенант поставил книгу на место. Его легкая улыбка погасла.

– Только не сегодня. Уж никак не сегодня. – И он в упор взглянул на Ньемана. – Это тело... Как можно сотворить такое!

Ньеман проигнорировал этот возглас.

– Скажи, какой была в твоё время обстановка в университете? Ничего странного не замечалось?

– Нет. Студенты были в основном из буржуазных семей, со стандартными представлениями о жизни и приличном образе мыслей... Попадались дети из крестьянских и рабочих семей – ещё большие идеалисты. И более агрессивные. В любом случае всем нам грозила безработица, так что...

– Никаких подозрительных историй? Никаких странных группировок?

– Нет. Ничего такого. А впрочем... Помнится, у нас существовало что-то вроде элиты. Эдакий замкнутый мирок, где обитали дети университетских преподавателей. Некоторые из них были сверходарёнными. Каждый год занимали все почётные места. Даже в области спорта. Им многие завидовали черной завистью.

Ньеман вспомнил портреты чемпионов в приёмной ректора Люиза. Он спросил:

– А что, эти студенты составляют некий обособленный клан? Не могли бы они объединиться для какого-нибудь темного дельца?

Жуано рассмеялся.

– Вы подозреваете студенческий заговор? Чепуха!

Ньеман встал и начал прохаживаться вдоль книжных полок.

– Университетский библиотекарь находится у всех на глазах. Это идеальная мишень. Представь себе группу студентов, заиклившись на некой бредовой идее – скажем, на ритуальном жертвоприношении или чем-то подобном... И, выбирая жертву, они, естественно, первым делом подумали бы о Кайлуа.

– Да забудьте вы про наших юных гениев! Они слишком заняты сдачей экзаменов, чтобы думать о таких глупостях.

Ньеман продолжал шагать вдоль золотисто-коричневых рядов книг. Жуано следовал за ним.

– Библиотекарь, – задумчиво продолжал комиссар, – это также человек, который выдает книги. Ему известно, что читает каждый из студентов, чем он увлекается... Может, он узнал нечто такое, чего ему знать не полагалось?

– Ну, за это не убивают, да еще так зверски. И потом, какие тайны могут скрываться за студенческим пристрастием к тем или иным книгам?

Ньеман внезапно остановился:

– Не знаю. Но я не доверяю интеллектуалам.

– У вас есть какие-то предположения?

– Наоборот. Пока я допускаю любые мотивы. Ссору. Мечь. Интеллигентские выверты. Гомосексуализм. Или это просто бродяга, маньяк, случайно наткнувшийся на Кайлуа в горах.

И комиссар звучно щелкнул по ближайшему темному переплету.

– Вот видишь, я вполне беспристрастен. И все-таки мы начнем отсюда. Нужно тщательно просмотреть все книги, которые могли бы иметь отношение к этому убийству.

– Какое отношение?

Ньеман прошел чуть дальше по книжному коридору и внезапно очутился в большом зале. Он направился к столу библиотекаря, находившемуся в дальнем конце зала, на возвышении. В центре стола высился компьютер, рядом, в ящике, были сложены тетради на спиральках. Ньеман постучал по черному экрану.

– Тут должны быть списки всех книг, ежедневно запрашиваемых посетителями. Я хочу, чтобы ты посадил на эту работу нескольких офицеров из уголовки. Самых начитанных, если такие, конечно, имеются. Попроси также помощи у интернов. Мне нужно, чтобы они раскопали все книги, посвященные злу, насилию, пыткам и особенно жертвоприношениям и ритуальным убийствам. Пускай просмотрят, например, все труды по этнологии и запишут имена студентов, которые часто спрашивали такие произведения. И вот еще что – пусть найдут диссертацию самого Кайлуа.

– А... я?

– А ты порасспроси интернов. Один на один. Они здесь живут неотлучно и должны знать университет как свои пять пальцев. Привычки и образ мысли своих товарищей, ребят, имеющих какие-нибудь отклонения... Я хочу знать, как окружающие относились к Кайлуа. Я хочу, чтобы ты разузнал подробнее о его походах в горы. Найди его спутников. Выясни, кто был в курсе его маршрутов. И кто мог поджидать его там, наверху...

Жуано скептически взглянул на комиссара. Ньеман подошел к нему вплотную. Теперь он говорил совсем тихо:

– Я скажу тебе, что мы имеем. Мы имеем зверское убийство и обескровленный скрюченный труп со следами нечеловеческих пыток. От этого дела за сто километров пахнет безумием. Пока еще мы держим это в тайне. У нас есть всего несколько часов... ну, может быть, чуточку больше, чтобы расследовать это преступление. Но если мы замешкаемся и об этом деле пронюхают журналисты, на нас тут же начнут давить со всех сторон, и страсти разгорятся не на шутку. Поэтому соберись с мыслями и целиком сосредоточься на этом кошмаре. Сделай все, на что ты способен. Только так мы сможем увидеть лицо зла.

Лейтенант испуганно вытаращился:

– Вы и вправду считаете, что мы за несколько часов...

– Ты хочешь работать со мной, да или нет? – отрезал Ньеман. – Если да, то я объясню тебе, как я смотрю на такие дела. Когда совершается убийство, нужно расценивать каждый элемент окружения жертвы как зеркало. Труп, знакомые убитого, место преступления... Все это отражает истину, особые приметы

данного дела, понятно? – И он ткнул пальцем в экран компьютера. – Например, этот экран. Когда он загорится, то станет зеркалом повседневной жизни Реми Кайлуа. Зеркалом его работы, его образа мыслей. Там наверняка есть детали, образы, которые могут представлять для нас интерес. И нам нужно проникнуть в это зазеркалье.

Выпрямившись, комиссар широко раскинул руки.

– Мы с тобой в ледяном дворце, Жуано, в зеркальном лабиринте! Так вот, смотри в оба! Не упускай ни единой мелочи. Потому что там, среди этих зеркал, в «мертвой зоне», затаился убийца.

Жуано изумленно разинул рот.

– Для простого человека вы чересчур умно рассуждаете, комиссар.

Ньеман похлопал его по плечу:

– Это тебе не философия, Жуано. Это практика.

– А вы сами? Кого вы будете допрашивать?

– Я? Пойду-ка побеседую с нашей свидетельницей, Фанни Ферейра. А также с Софи Кайлуа, женой убитого. – Ньеман подмигнул лейтенанту. – Я веду разговоры только с дамочками, Жуано. Вот что такое практика.

5

Хмурое небо. Асфальтовая дорога, петляющая по кампусу, между серыми корпусами с тусклыми окнами. Ньеман ехал с черепашьей скоростью, то и дело заглядывая в план университета и направляясь к стоявшему в отдалении спортзалу. Наконец он затормозил перед новым с виду зданием из шершавого бетона, больше похожим на бункер, чем на спортивное сооружение. Выйдя из машины, он вздохнул полной грудью. Моросил мелкий, едва заметный дождик.

Обернувшись, комиссар взглянул на кампус, раскинувшийся в нескольких сотнях метров отсюда. Его родители тоже преподавали, только в маленьких коллежах под Лионом. Он мало что помнил о своем детстве. С годами уют семейного кокона стал казаться ему слабостью, ложью. Он довольно быстро понял, что ему предстоит завоевывать свое место под солнцем в одиночку, своими силами, и начинать нужно сейчас же, не откладывая. В возрасте тринадцати лет он потребовал, чтобы родители отдали его в интернат. Они не осмелились воспретить сыну это добровольное изгнание, но в ушах у него до сих пор звучали рыдания матери за стеной; эти звуки пронизывали ему мозг и одновременно физически ощущались кожей как что-то неприятно влажное и теплое. Он постарался отрешиться от всего этого.

Четыре года в интернате. Четыре года одиночества и спортивных тренировок наряду с учебой. Все его надежды были устремлены к единственной цели, единственной дате – призыву в армию. В семнадцать лет Пьер Ньеман блестяще сдал экзамены на степень бакалавра, прошел обязательное трехдневное медицинское обследование и попросился в офицерскую школу. Когда врач, майор медицинской службы, объявил Ньеману, что его забраковали, и сообщил причины отказа, юноша сразу понял, в чем дело. Его предали собственные страхи. Теперь он знал, что его удел – длинный, непроглядный туннель без единого укрытия, где будет только кровь да свирепые псы, рычащие во тьме, на выходе...

Другие отступились бы, смирившись с вердиктом психиатров. Но не таков был Пьер Ньеман. В яростном стремлении к успеху он продолжал закалять тело и волю. Раз ему не суждено быть военным, он выберет себе другую войну – уличную, скрытую войну с повседневным злом. Он отдаст все силы, всю свою душу этой бесславной войне без фанфар и знамен, но будет вести ее до победного конца. Ньеман решил стать полицейским. С этой целью он долгие месяцы тренировался, чтобы пройти психологические тесты. И в результате был принят в полицейскую школу городка Канн-Экюз. Вот когда наступила долгожданная эра грубой силы – стрельба в тире, изучение приемов борьбы, и всюду он был лучшим. Ньеман непрерывно совершенствовался. Он стал полицейским высшей пробы, упорным, негибачаемым, жестоким и хитрым.

Сперва он работал в окружных комиссариатах, затем его как элитного стрелка перевели в подразделение, позже названное КРБ (карательно-розыскная бригада). Начались спецоперации. Он впервые убил человека. В тот день он окончательно смирился с довлеющим над ним проклятием и заключил договор с

самим собой. Ему уже никогда не быть храбрым солдатом или достойным офицером. Но он станет уличным бойцом, яростным, неумолимым, и утопит собственные страхи в жестокости асфальтовых джунглей...

Внезапно Ньеман услышал странные, как во сне, дробные шажки. Пес был мускулистый, его гладкая шерсть лоснилась под дождем. Черные глаза – пара блестящих бусинок – впились в полицейского. Пес медленно приближался, вихляя задом. Его влажный нос подрагивал, принюхиваясь к незнакомцу. Вдруг он зарычал, и в глазах его зажглась ярость. Он учуял запах страха, исходивший от незнакомца.

Ньеман окаменел от ужаса.

Он знал, в чем дело. Железы испуганного человека выделяют особую секрецию, которую чуют собаки; ее запах вызывает у них боязнь и враждебность. Один страх порождает другой.

Пес залаял и злобно ощерился. Сыщик вынул револьвер.

– Кларисса! Кларисса! Ко мне, Кларисса!

Ньеман наконец стряхнул с себя леденящее оцепенение. Сквозь красную пелену, заставшую глаза, он увидел седого мужчину в грубом свитере. Тот подбежал к Ньеману.

– Вы что, спятили?

Ньеман через силу пробормотал:

– Полиция. Уходите отсюда. И заберите вашего пса.

Человек изумленно глядел на него.

– Ну надо же!.. Рассказать кому, так не поверят. Идем, Кларисса, идем, девочка!

Собака и хозяин удалились. Ньеман попытался сглотнуть слюну. Горло высохло напрочь, стало неприятно шероховатым.

Встряхнувшись, он спрятал револьвер в кобуру и пошел вдоль здания. Сворачивая за угол, он пытался вспомнить – и никак не мог, – сколько же времени он не был у своего психиатра.

За вторым углом корпуса он наткнулся на женщину.

Фанни Ферейра стояла возле открытой двери и драила наждачной бумагой ярко-красную байдарку. Наверное, именно на ней она сплавлялась по горным рекам.

– Здравствуйте, – сказал комиссар с полупоклоном.

К нему уже вернулись обычная сила и уверенность к себе. Фанни подняла глаза. На вид ей было лет двадцать, не больше. Бархатистая кожа. Кудрявые волосы легкими завитками обрамляли лоб и густой волной ниспадали сзади на плечи. Темный загар на матовом лице оттенял яркую, почти вызывающую голубизну глаз.

– Я полицейский комиссар Пьер Ньеман. Расследую дело об убийстве Реми Кайлуа.

– Пьер Ньеман? – недоверчиво переспросила девушка. – Черт возьми! Это невозможно!

– Почему?

Кивком Фанни указала на приемничек, стоявший у ее ног.

– О вас только что сообщили в новостях. Сказали, что сегодня ночью вы арестовали двух убийц в Париже, около Парк-де-Пренс. И это, мол, очень хорошо. Но вы изуродовали одного из них, а это очень плохо. Вы умеете раздваиваться или как?

– Я просто ехал всю ночь.

– И что же вы здесь делаете? Местных сыщиков нам, значит, мало?

- Ну, скажем, я прислан для подкрепления.

Фанни снова взялась за работу; она смачивала продолговатое днище лодки и обеими руками сильно терла его сложенной пополам наждачной пластинкой. Девушка выглядела крепкой, мускулистой. Одежда ее не отличалась элегантностью: облегающие неопреновые леггинсы, брезентовая роба и высокие, туго зашнурованные ботинки. Рассеянный солнечный свет мягкими бликами играл на людях и на лодке.

- Вы как будто стойко переносите этот шок? - полуутвердительно спросил Ньеман.

- Какой шок?

- Ну... вы ведь увидели мертвеца.

- Я просто стараюсь об этом не думать.

- Вам не трудно было бы побеседовать со мной?

- Вы ведь для этого сюда и пришли, верно?

Девушка не смотрела на комиссара. Ее руки сновали вверх-вниз, очищая дерево резкими точными движениями.

- При каких обстоятельствах вы обнаружили тело?

- Каждый уик-энд я сплавляюсь по горным рекам вот на этой штуке, - она указала на свое суденышко. - В тот день я уже заканчивала свой маршрут. В окрестностях кампуса есть каменная гряда, что-то вроде природной плотины, где течение замедляется и можно причалить без проблем. Я уже вытаскивала байдарку на берег, как вдруг заметила...

- В скале?

- Да, в скале.

- Это неправда. Я ходил туда. И знаю, что с того места невозможно что-либо разглядеть на пятнадцатиметровой высоте.

Фанни бросила наждачную бумагу в банку, вытерла руки и закурила сигарету. Эти простые жесты неожиданно разбудили в Ньемане жгучее желание.

Девушка выдохнула длинную голубоватую струю дыма.

- Тело находилось в скале. Но я увидела его не там.

- А где же?

- В реке. Оно отражалось в воде. Такое белое пятно в запруде.

Насупленное лицо Ньемана разгладилось.

- Именно так я и думал.

- Это важно для расследования?

- Нет. Просто я люблю ясность.

Помолчав, Ньеман спросил:

- Вы занимаетесь альпинизмом?

- Откуда вы знаете?

- Да так... Местность-то горная. И потом, у вас вид заядлой спортсменки.

Фанни повернулась к горам, окружавшим долину, и широко раскинула руки. Впервые ее лицо озарила улыбка.

- Это мои владения, комиссар! Все эти горы, от Большого Пика Белладонны до Рыжих скал, я знаю как свои пять пальцев. Когда я не хожу по рекам, то штурмую вершины.

– Как по-вашему, нужно быть альпинистом, чтобы поднять тело вверх по каменной стенке?

Фанни перестала улыбаться; теперь она пристально созерцала тлеющий кончик своей сигареты.

– Да нет, необязательно. Скальные уступы образуют здесь что-то вроде лестницы. Но нужно обладать богатырской силой, чтобы втащить труп на такую высоту, не потеряв равновесия.

– Один из здешних инспекторов полагает, что убийца скорее мог забраться наверх с обратной стороны стенки, где склон менее крутой, а потом спустить сюда тело на веревке.

– Ну, тогда ему пришлось бы сделать немалый крюк. – Девушка чуть поколебалась, затем продолжила: – На самом деле есть третье решение, совсем простое – конечно, если знать, хотя бы немного, технику скалолазания.

– Я вас слушаю.

Фанни Ферейра погасила сигарету о каблук и щелчком отшвырнула ее прочь.

– Идемте со мной, – скомандовала она.

Они вошли в спортзал. В полумраке темнели сваленные в кучу маты, параллельные брусья, шесты, канаты с узлами. Подходя к правой стене, Фанни объясняла:

– Это мое убежище. Летом сюда никто носа не кажет. Я могу хранить здесь все свое барахло.

Она зажгла походный фонарь, висевший над чем-то вроде верстака. Там лежало множество инструментов и самых разнообразных приспособлений, поблескивающих металлом или окрашенных в яркие цвета. Фанни закурила новую сигарету. Ньеман спросил:

- Что это?

- Альпинистское снаряжение – крючья, карабины, обвязки, закладки, жумары[8 - Карабин – особый вид застежки, прикрепляемой к обвязке – ремню на поясе альпиниста. Закладка – металлический многогранник, или эксцентрик, с продетой в него петлей из тросика, который под нагрузкой заклинивается в трещинах скал. Жумар – металлический зажим, используемый при подъеме по закрепленной веревке.].

- Ну и что же?

Фанни снова выдохнула дым, на сей раз стараясь пускать его колечками.

- А то, господин комиссар, что убийца, если бы он имел в своем распоряжении эти штуки и умел ими пользоваться, без всякого труда мог поднять тело с берега на скалу.

Ньеман скрестил руки и прислонился к стене. Зажав сигарету в зубах, Фанни начала разбирать снаряжение. Это невинное занятие почему-то снова пробудило влечение у полицейского. Девушка ему ужасно нравилась.

- Я уже говорила, – продолжала она, – что каменная стенка со стороны реки идет уступами, вроде лестницы. Человеку, знакомому с техникой скалолазания, или даже простому туристу ничего не стоит забраться туда первый раз, без тупа.

- И что дальше?

Фанни подняла над верстаком металлический блок, выкрашенный светящейся зеленой краской и усеянный маленькими отверстиями.

- А дальше вы прикрепляете это к скале, над углублением.

- К скале? Каким образом? Молотком, что ли, прибиваете? Да ведь это же займет уйму времени, разве нет?

Но девушка объявила сквозь дымные кольца своей сигареты:

– Увы, комиссар, я констатирую, что ваши познания в альпинизме близки к нулю! – Она выхватила из кучи предметов крюк с нарезкой и кольцом. – Вот это называется спит. Такие штуки вбивают в скалу. С помощью сверла, – она указала на черный, жирно смазанный инструмент, – вы можете понаставить их сколько угодно на любом камне всего за несколько секунд. Затем фиксируете на крючьях блок и... вам остается только втащить наверх груз. Эту технику применяют для подъема тяжестей в труднодоступные места.

Ньеман скептически хмыкнул:

– Я не поднимался туда, наверх, но, по-моему, впадина слишком узка. И мне непонятно, как убийца мог залезть в нее и втащить тело по отвесной стенке силой одних рук, когда там и отступить-то некуда. Мы опять вернулись к исходной точке: для этого нужно быть настоящим Геркулесом.

– Да кто вам сказал, что он поднимал труп руками? Ему всего-навсего требовалось съехать вниз на другой половине веревки блока, сыграв роль противовеса, а тело поднялось само.

Полицейский наконец уразумел эту простую механику и улыбнулся: все встало на свои места.

– Но ведь тогда убийца должен был весить больше, чем жертва?

– Или столько же: когда вы падаете в пустоту, ваш вес увеличивается. Втащив труп наверх, ваш убийца быстро вскарабкался туда же по уступам и запихнул его в дыру, придав эту театральную позу.

Комиссар снова взглянул на крючья, веревки и петли, лежавшие на верстаке. Похоже на снаряжение опытного грабителя, но грабителя особого – знатока горных высот и законов механики.

– Сколько времени заняла бы такая операция?

– Для кого-нибудь вроде меня – не больше десяти минут.

Ньеман кивнул; образ убийцы вырисовывался уже отчетливее. Они вышли из зала. Солнце, пробившееся сквозь облака, играло отблесками на вершинах скал. Полицейский спросил:

– Вы здесь преподаете?

– Да, геологию.

– А именно?

– О, много всего разного – классификацию горных пород, теорию тектонических разломов, гляциологию – в частности, движение ледников.

– А выглядите совсем молодо.

– Я защитила диссертацию в двадцать лет. И тогда уже работала ассистентом на кафедре. Вы видите перед собой самого юного дипломированного преподавателя Франции. Сейчас мне двадцать пять, и я уже занимаю штатную должность.

– Гордость факультета, да?

– Да, гордость факультета. Дочь и внучка заслуженных профессоров здесь, в Герноне.

– Стало быть, вы член пресловутого братства?

– Какого еще братства?

– Один из местных лейтенантов полиции учился в Герноне. Он уверяет, что тут существует особая элита, состоящая из детей университетских преподавателей.

Фанни хитровато прищурилась:

– Я бы назвала это скорее большой семьей. Дети, о которых вы говорите, растут здесь, в университете, в научной и культурной среде. И потому достигают

блестящих результатов. Это ведь вполне естественно, не так ли?

- Даже в области спорта?

Фанни подняла брови:

- Ну, конечно... В нашем-то горном воздухе!..

- Вы ведь знали Реми Кайлуа. Каким он был человеком?

Фанни ответила сразу, без колебаний:

- Одиноким. Замкнутым. Даже, я бы сказала, нелюдимым. Но это была блестящая личность. Образован - дальше некуда. Тут даже ходили слухи... Говорили, будто он прочел все до одной книги в нашей библиотеке.

- Думаете, эти слухи верны?

- Трудно судить. Но библиотеку он знал как свои пять пальцев. Это был его дом, его убежище, его берлога.

- Он ведь тоже был очень молод, верно?

- Да ведь он практически вырос в этой библиотеке. Его отец тоже работал здесь, старшим библиотекарем университета.

Ньеман прошелся взад-вперед.

- Вот как! Не знал. А что, эти Кайлуа также принадлежали к вашей «большой семье»?

- Конечно нет. Наоборот: Реми относился к ней весьма враждебно. Несмотря на блестящее образование, ему так и не удалось достичь результатов, к которым он стремился. Мне кажется... ну, в общем, я подозреваю, что он нам завидовал.

- А какая у него была специальность?

- По-моему, философия. Он заканчивал писать диссертацию.

- На тему?

- Понятия не имею.

Комиссар умолк и стал глядеть на горы, теперь ярко освещенные солнцем. Они высились над долиной, сверкая ледяными вершинами. Ньеман спросил:

- Его отец жив?

- Нет. Погиб несколько лет назад. В горах.

- Тоже при подозрительных обстоятельствах?

- Что за ерунда! Просто попал в лавину. Ту, что сошла с горы Гранд-Ланс-д'Аллеман в девяносто третьем году. Вот уж сразу видать сыщика!

- А что же вы хотите! Мы имеем дело с двумя библиотекарями-альпинистами, отцом и сыном. Оба погибли в горах. Такое совпадение заслуживает интереса – вы согласны?

- А кто вам сказал, что Реми убили в горах?

- Это верно. Но он ушел туда в субботу утром. И скорее всего был застигнут убийцей там, наверху. Может, преступник знал его маршрут и...

- Реми был не из тех, кто ходит по классическим маршрутам. И уж конечно, он никому не сообщал о своих планах. Он был... необычайно скрытен.

Ньеман слегка поклонился:

- Благодарю вас, мадемуазель! Вы, конечно, знаете, что говорят в таких случаях: если вспомните еще что-нибудь, можете звонить мне по одному из этих номеров.

И Ньеман записал для Фанни номера своего мобильного телефона и аудитории, которую ректор отвел ему в университете: офицер предпочел работать там, а не в жандармерии.

Он тихо сказал:

– До скорого свидания.

Молодая женщина стояла, опустив глаза. Полицейский уже уходил, когда она вдруг спросила:

– Можно задать вам вопрос?

Теперь она смотрела на него в упор. Ньеману стало не по себе: эти прозрачные глаза были слишком уж светлы, точно стекло или вода в горном ручье, и холодны как лед.

– Слушаю вас, – ответил он.

– По радио сообщали... Ну, в общем... правда ли, что вы работали в той самой бригаде, которая убила Жана Мезрина?

– Да, правда. Я был тогда очень молод.

– Я вот хочу узнать... Что люди чувствуют после?

– После чего?

– После такого дела.

Ньеман резко шагнул к девушке, и она инстинктивно попятилась. Но ее взгляд был по-прежнему дерзко и холодно устремлен на него.

– Мне всегда приятно будет беседовать с вами, Фанни. Но эту тему я ни с кем не намерен обсуждать. Как и то, что я потерял в тот день.

Его собеседница опустила голову и глухо произнесла:

– Я понимаю.

– Нет, не понимаете. И это ваше счастье.

6

За его спиной звонко журчала горная речка. Ньеман одолжил в жандармерии походные ботинки и теперь карабкался по уступам вверх, что было и вправду не так уж трудно. Добравшись до расселины, полицейский начал осматривать узкую пещерку, в которой обнаружили тело. Он тщательно, сантиметр за сантиметром, исследовал ближайшие камни, ощупывая их руками в резиновых перчатках и пытаясь обнаружить следы крючьев.

Отверстия в скале.

Ветер яростно швырял ему в лицо ледяные брызги, и Ньеману было приятно это ощущение холода. Приближаясь к месту обнаружения трупа, он, несмотря на печальные обстоятельства, испытывал радостное чувство полноты жизни. Может быть, и убийца выбрал этот уголок не случайно: здесь все дышало безмятежным, умиротворяющим покоем. Красота прозрачно-зеленого озера могла растрогать самую свирепую душу.

Однако полицейский ничего не находил. Он стал искать чуть дальше – тщетно, никаких следов крючьев. Опершись коленом на край пещерки, он провел рукой по ее внутренним стенкам. И вдруг его пальцы нащупали отверстие явно искусственного происхождения – наверху, в самом центре. Комиссар припомнил Фанни Ферейру. Она угадала: преступник втащил сюда труп с помощью крючьев и блока, использовав собственное тело в качестве противовеса.

Пошарив еще, он в конечном счете обнаружил три глубоких отверстия со следами резьбы, расположенных треугольником; сюда-то и были вбиты крючья, державшие блок. Теперь обстоятельства дела прояснились. Реми Кайлуа был застигнут преступником в горах во время похода. Тот связал его, подверг

пыткам, изувечил и убил наверху, среди скал, а затем спустился с телом своей жертвы в долину. Каким образом? Ньеман бросил взгляд на реку, которая пятнадцатью метрами ниже завершала свой бурный бег в тихом озерке. Да, убийца наверняка сплавился по воде, в лодке или на чем-то еще.

Но к чему столько всяких ухищрений? Не проще ли было бросить труп на месте преступления?

Полицейский осторожно спустился к реке. Подойдя к берегу, он снял перчатки и стал разглядывать отражение выемки в идеально гладком зеркале воды. Его не оставляла мысль, что это место выглядит как святилище. Покой и чистота. Наверное, убийца тоже так думал. В любом случае одно Ньеман знал теперь совершенно точно: этот убийца – опытный альпинист.

Автомобиль Ньемана был оборудован коротковолновым передатчиком, но полицейский никогда его не использовал. Точно так же не прибегал он для секретных сообщений к услугам мобильного телефона – этот был еще ненадежнее. Вот уже несколько лет, как он работал в таких исключительных случаях только с пейджерами, непрерывно меняя их модели и марки. Никто не мог проникнуть в эту систему радиосообщений, которая функционировала только при знании пароля. Этот хитрый аппарат сразу пришелся по вкусу парижским дилерам – они мгновенно сообразили, что он гарантирует полную секретность информации. Комиссар дал свой номер и пароль Жуано, Барну и Вермону. Садясь в машину, он вынул пейджер из кармана и включил его. Сообщений не было.

Ньеман поехал в университет. Было уже одиннадцать часов утра; зеленую эспланаду пересекали редкие прохожие. На беговой дорожке стадиона, расположенного поодаль от бетонных корпусов, тренировались несколько студентов.

Полицейский свернул к главному зданию. Восьмиэтажный, длиной не менее шестисот метров, корпус походил на гигантский бункер. Ньеман припарковал машину и сверился с планом. Кроме библиотеки, это огромное строение вмещало амфитеатры для поточных лекций по медицине и естественным наукам. Над ними располагались лаборатории для практических занятий. А на самом верху жили интерны. Сторож кампуса отметил красным фломастером номер квартиры, которую занимали Реми Кайлуа и его молодая жена.

Пьер Ньеман миновал вход в библиотеку и вошел в главный вестибюль здания – необъятный и довольно светлый благодаря широченным окнам. Стены были расписаны немудреными цветными панно, блестящими в утренних лучах солнца; дальний конец холла, чуть ли не в полукilометре от дверей, терялся из виду. Это помещение отличалось поистине сталинской гигантоманией – ничего общего с уютными парижскими университетами, отделанными светлым мрамором и благородным темным деревом. Так, по крайней мере, думал Ньеман, сроду не бывавший в университетах. Ни в парижском, ни в каком другом.

Он поднялся по лестнице с гранитными ступенями, которые, по задумке архитектора, висели в воздухе: каждый марш крепился на вертикальных стойках. Автор явно не страдал избытком фантазии: здесь царил тот же тяжеловесный стиль, что и во всем интерьере. Неоновые лампы горели через одну, и Ньеман то и дело попадал из кромешной темноты в слепящий белый свет и наоборот.

Наконец он добрался до узкого коридора с множеством небольших дверей и почти ощупью (здесь лампы перегорели все до единой) зашагал по нему, отыскивая номер 34 – квартиру Кайлуа.

Дверь была приоткрыта.

Полицейский легонько толкнул створку двумя пальцами и очутился в маленькой прихожей.

Тишина и полумрак. В глубине коридорчика линолеум пересекала полоска света. Это позволило комиссару обзреть фотографии, развешанные на стенах. Черно-белые снимки, явно относящиеся к тридцатым – сороковым годам. Атлеты-олимпийцы в звездный миг своих рекордов: одни взлетали в прыжке над землей, другие попирали ее в мощном усилии. Их лица, тела и позы светились каким-то тревожным совершенством, напоминавшим мраморную, нечеловеческую, безупречную красоту статуй. Ньеман снова подумал об архитектуре университета; все вместе составляло гнетущий и совсем нерадостный ансамбль.

Внизу, под снимками, он обнаружил портрет Реми Кайлуа и снял его со стены, чтобы разглядеть получше. Убитый был довольно красивым молодым человеком с короткими волосами и напряженной улыбкой. В его глазах блестела странная тревога.

– Кто вы?

Ньеман обернулся и увидел в глубине коридора женский силуэт в просторном плаще. Комиссар подошел ближе. Еще одна дамочка. С виду ей тоже было не больше двадцати пяти лет. Светлые полудлинные волосы обрамляли узкое худое лицо, темные круги под глазами подчеркивали его бледность. Острые точеные черты. Красота этой женщины бросалась в глаза не сразу, а лишь после того, как проходило первое впечатление тягостной неловкости.

– Меня зовут Пьер Ньеман, – сказал сыщик. – Я старший комиссар полиции.

– Почему вы вошли сюда без звонка?

– Извините меня. Дверь была открыта. Вы жена Реми Кайлуа?

Вместо ответа женщина выхватила из рук Ньемана фотографию и повесила ее на место. Затем она сняла плащ и шагнула налево, к двери, ведущей в комнату. В вырезе растянутого пуловера Ньеман успел заметить бледную плоскую грудь. Он вздрогнул.

– Входите, – угрюмо сказала женщина.

Полицейский очутился в гостиной, обставленной тщательно и строго. На стенах висели современные картины. Симметричные линии, мрачные краски, что-то в высшей степени непонятное. Он не стал задерживать на них внимание. Его поразило другое: в комнате царил сильный химический запах. Запах клея. Супруги Кайлуа явно только что оклеили стены новыми обоями. У Ньемана сжалось сердце. Горько было думать о загубленной судьбе этой пары, о пепелище, в какое обратилась жизнь этой убитой горем женщины. Он заговорил серьезно и строго:

– Мадам, я приехал из Парижа. Меня вызвали сюда для помощи в расследовании смерти вашего мужа. Я...

– И вы уже нашли что-нибудь?

Комиссар взглянул на нее и внезапно ощутил желание разбить какой-нибудь предмет – стекло, тарелку, что угодно. Эта женщина была полна скорби, но еще больше – ненависти к полиции.

– Пока ничего существенного, – признался он. – Но я надеюсь, что поиски...

– Спрашивайте.

Ньеман присел на диван, напротив женщины, которая выбрала себе стул в дальнем углу. Стараясь выиграть время, он взял в руки подушечку и несколько секунд комкал ее в руках.

– Я читал ваши показания, – начал он. – И мне хотелось бы получить от вас дополнительную информацию. В этом районе многие люди увлекаются походами в горы, не так ли?

– Уж не думаете ли вы, что в Герноне бывают другие развлечения? Здесь все занимаются туризмом или альпинизмом.

– Мог ли кто-нибудь из местных знать маршруты Реми?

– Нет. Он никому об этом не сообщал. Всегда ходил своими путями.

– Это были обыкновенные прогулки или походы?

– Как когда. В субботу Реми ушел пешком, он собирался подняться на два километра. Он не взял с собой никакого снаряжения.

Помолчав, Ньеман приступил к самому существенному:

– У вашего мужа были враги?

– Нет.

Станный тон этого ответа вынудил комиссара задать следующий вопрос, удививший его самого:

- А были ли у него друзья?

- Тоже нет. Реми был очень нелюдим.

- Какие отношения связывали его со студентами, с теми, кто посещал библиотеку?

- Он выдавал им книги, только и всего.

- Вы не замечали в нем ничего странного за последние дни?

Женщина не ответила. Но Ньеман не отступал:

- Может быть, ваш муж в последнее время нервничал, был раздражительным?

- Нет.

- Расскажите мне о смерти его отца.

Софи Кайлуа подняла глаза. Их тусклый, неопределенный цвет искупали великолепные ресницы и брови. Она слегка пожала плечами:

- Он погиб в девяносто третьем году, под лавиной. Мы еще тогда не были женаты. Я ничего точно не знаю. Реми об этом никогда не говорил. Почему вас это интересует?

Полицейский промолчал и стал разглядывать маленькую комнату с идеально ровно расставленной мебелью. Он хорошо знал этот тип жилищ. И еще он знал, что они с Софи Кайлуа сейчас не одни. Призрак погибшего еще витал в этой квартире, как будто его душа в соседней комнате готовилась к своему последнему походу. Комиссар опять взглянул на картины.

- Ваш муж держал тут какие-нибудь книги?

- С какой стати? Он же целый день работал в библиотеке.

– И диссертацию он тоже писал там?

Женщина коротко кивнула. Ньеман не переставал исподтишка любоваться этим красивым и жестким лицом, удивленно думая о том, что за какой-нибудь час встретил сразу двух соблазнительных женщин.

– О чем была его диссертация?

– Об Олимпийских играх.

– Не шибко ученая тема.

Софи Кайлуа презрительно усмехнулась.

– Она была посвящена отношениям испытания и сакральности. Связи тела и духа. Он изучал миф о прачеловеке, по-гречески называвшемся *athlon*, который оплодотворял Землю своей силой, соками, исходящими из его собственного тела.

– Извините меня, – вздохнул Ньеман. – Я плохо разбираюсь в вопросах философии... Но имеет ли это отношение к фотографиям у вас в коридоре?

– И да и нет. Это кадры из фильма Лени Рифеншталь, снятого на Олимпийских играх тридцать шестого года в Берлине.

– Впечатляющие образы.

– Реми утверждал, что эти Игры были ближе всего по духу к играм древней Олимпии, так как основывались на союзе тела и духа, физического испытания и философского выражения.

– Иными словами, в этом случае речь шла о нацистской идеологии, не так ли?

– Мой муж не принимал всерьез мысль изреченную. Его завораживало одно только это слияние идеи и силы, духа и тела.

Ньеман ни черта не понимал в этой тарабарщине. Внезапно женщина подалась вперед и почти угрожающе спросила:

- Почему вас прислали сюда? Почему именно такого, как вы?

Он оставил без ответа ее злобный выпад. Во время допросов он всегда прибегал к этому приему – холодному бесстрастному презрению, наводящему робость на собеседника. Будучи полицейским, да еще с его внешностью, бесполезно разводить сантименты или затевать дешевую игру в психологию. И он спросил, громко и властно:

- Как вы считаете, мог ли кто-нибудь ненавидеть вашего мужа?

- Что за бред! – взорвалась она. – Разве вы не видели его труп? Неужели вам непонятно, что моего мужа убил маньяк? Псих, который застал его врасплох. Свихнувшийся садист, который издевался над ним, пытал его и замучил до смерти.

Полицейский глубоко вздохнул. И в самом деле, как подумаешь об этом несчастном изувеченном библиотекаре и о яростном отчаянии его жены – кровь стынет в жилах. И все же он продолжал расспросы:

- Что вы можете сказать о вашей семейной жизни?

- Какого черта вы лезете в нашу семейную жизнь!

- Я прошу вас ответить.

- Меня что, подозревают?

- Вы прекрасно знаете, что нет. Пожалуйста, ответьте мне.

Молодая женщина бросила на него ненавидящий взгляд.

- Вы хотите знать, сколько раз в неделю мы трахались?

У Ньемана пробежал холодок по затылку.

– Мадам, я исполняю свои обязанности. Вы должны помогать мне.

– Убирайтесь вон, грязный шпик!

Зубы у нее не отличались белизной, зато рисунок губ был на редкость изящен. Ньеман пристально разглядывал этот пленительный рот, резко очерченные скулы, высокие ровные дуги бровей на мертвенно-бледном лице. Это лицо не нуждалось в румянце, ярких глазах, обманчивой игре света и тонов. Вся его красота заключалась именно в линиях – тонких, изысканных, необыкновенно чистых. Полицейский не тронулся с места.

– Убирайтесь, я вам говорю! – вскричала женщина.

– Ответьте мне еще на один вопрос. Реми всегда жил в университете. Когда он проходил военную службу?

Софи Кайлуа удивленно смолкла при этом неожиданном вопросе. Она обхватила себя руками, как будто ее вдруг зазнобило.

– Он не служил в армии.

– Признан негодным?

Она молча кивнула.

– Причина?

Глаза женщины снова блеснули злобой.

– Опять копаетесь?

– По какой причине, я спрашиваю?

– Кажется, что-то по части психиатрии.

– Он страдал нарушениями психики?

– Да вы что, с луны свалились? Все, кто не хочет служить, отговариваются психическими нарушениями. Это ровно ничего не значит. Человек несет какую-нибудь бредятину, косит под психа, и его освобождают.

Ньеман смолчал, но весь его вид выражал крайнее неодобрение. Женщина бросила взгляд на его короткую стрижку, на скромный элегантный костюм, и ее губы искривились в гримасе отвращения.

– Черт подери, вы когда-нибудь уберетесь отсюда или нет?

Ньеман встал и тихо сказал:

– Я сейчас уйду. Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь.

– Что еще? – бросила она.

– Нравится вам это или нет, но убийц ловят такие люди, как я. И только такие люди, как я, могут отомстить за вашего мужа.

Лицо женщины на миг окаменело, потом вдруг подбородок ее дрогнул, и она разразилась рыданиями. Ньеман направился к двери.

– Я поймаю его, – сказал он.

Дойдя до двери, он стукнул кулаком в стену и бросил через плечо:

– Клянусь богом, я изловлю сукиного сына, который убил вашего мужа.

На улице ему ударил в глаза резкий дневной свет. Он прикрыл их; под веками заплясали черные пятна. Несколько секунд Ньеман стоял пошатываясь, потом собрался с силами и заставил себя спокойно подойти к машине; черные пятна мало-помалу расплывались, превращаясь в женские лица. Фанни Ферейра, брюнетка. Софи Кайлуа, блондинка. Две сильные, умные, энергичные женщины. Такие женщины, каких ему, наверное, никогда не доведется держать в

объятиях.

Он безжалостно пнул мусорную урну, прикрепленную к столбу, затем по привычке взглянул на свой пейджер.

На экране мигало сообщение: патологоанатом закончил вскрытие.

II

7

На рассвете того же дня, в двухстах пятидесяти километрах от места действия – на самом западе страны, офицер полиции Карим Абдуф заканчивал чтение диссертации по криминологии об использовании генетических отпечатков при расследовании таких преступлений, как насилие и убийство. Изучение толстого, в шестьсот страниц, тома заняло у него практически целую ночь. И только когда зазвонил кварцевый будильник, он взглянул на циферблат: 07.00.

Карим с тяжким вздохом швырнул диссертацию в угол и пошел на кухню готовить себе крепкий чай. Вернувшись в гостиную, служившую ему заодно и столовой, и спальней, он подошел к окну и, прикинув лбом к стеклу, стал глядеть в темноту, пытаясь оценить свои шансы хоть когда-нибудь провести расследование с использованием генетических проб в жалком захолустье, где ему довелось служить. Шансы были равны нулю.

Молодой араб смотрел на фонари – россыпь светящихся пуговиц на черном плаще ночи, – и такая же черная тоска сжимала ему горло. Даже в те времена, когда он был не в ладах с законом, ему всегда удавалось избежать тюрьмы. И вот теперь, в возрасте двадцати девяти лет, когда он сам стал сыщиком, его заперли в худшей из тюрем – маленьком провинциальном городишке, раздавленном скукой, затерянном среди каменных осыпей. В тюрьме без стен и решеток. В психологическом узилище души, где он медленно подышал от тоски.

Карим погрузился в мечты. Он представлял, как ловит убийц пачками благодаря анализам ДНК и специальным тестам, словно в американских боевиках. Он видел себя во главе группы специалистов, изучающих генетические карты преступников. В результате хитроумных исследований и анализа статистических данных ученые выявляли некий разрыв в цепи хромосом, объясняющий криминальные наклонности злоумышленников. Когда-то давно считалось, что для убийц характерна двойная хромосома Y, однако эта теория оказалась ложной. Но Карим в мечтах открывал новую «орфографическую ошибку» природы, позволявшую выявлять и хватать преступников одного за другим. Но тут у него по спине пробежала дрожь.

Он знал, что если такая «ошибка природы» существует, то она наверняка имеется и в его собственном генетическом коде.

Для Карима слово «сирота» ровно ничего не означало. Можно ли сожалеть о том, чего никогда не знал, – а юному выходцу из Магриба[9 - Магриб – объединенное название стран Северной Африки.] не довелось даже отдаленно испытать радости так называемой семейной жизни. Его первые воспоминания детства ограничивались линолеумным полом да черно-белым телевизором в приюте на улице Мориса Тореза в Нантере. Карим вырос в безобразном сером городском квартале, где низенькие домишки соседствовали с многоэтажками, а пустыри сливались с жилыми массивами. И еще ему запомнилось, как он играл в прятки на стройках, которые мало-помалу вытесняли заросшие сорняками дворы его детства.

Карим был брошенным ребенком. Или найденным. Все зависело от того, с какой стороны посмотреть на эту проблему. Но в любом случае он ничего не знал о своих родителях, а полученное воспитание отнюдь не способствовало обретению родных корней. Он кое-как говорил по-арабски и имел весьма смутное представление об исламе. Довольно скоро подросток отделался от своих опекунов – воспитателей приюта, искренних, добрых людей, от которых его тошнило, – и зажил жизнью улицы.

Тогда-то он и открыл для себя Нантер – бескрайнюю территорию с широкими проспектами, огромными жилыми массивами, заводами, административными зданиями и обитателями предместий, вечно настороженными, помятыми, одетыми в грязные лохмотья и обреченными на нищету. Впрочем, нищета шокировала только богачей. Сам же Карим не замечал этой язвы города – нужды, лежавшей печатью на всем, начиная с морщинистых лиц окружавших

его людей.

Зато воспоминания отрочества были скорее приятными. Компания панков, где все жили одним днем. Тринадцать лет. Первые дружки. Первые девчонки. Как ни странно, Карим сумел найти в одиночестве и терзаниях созревающего тела поводы для любви и дружбы. После сиротского детства годы мучительного юношеского взросления подарили ему как бы второй шанс на встречу с внешним миром и возможность открыться другим людям. Карим до сих пор вспоминал о том времени так ясно, словно это было вчера. Долгие бдения в пивных, смех и шутки в толпе приятелей, окруживших флипперы[10 - Флиппер - электрический бильярд.]. Нескончаемые мечты, от которых пересыхало в горле, о какой-нибудь хорошенькой девчонке, мелькнувшей в дверях лица.

Однако предместье тоже вело свою темную игру. Карим всегда знал, что Нантер - могила всех надежд. Вскоре он понял, что этот город был еще и смертельно опасной ловушкой.

Однажды вечером, в пятницу, в кафетерий бассейна, открытый круглые сутки, вломилась банда парней. Не говоря ни слова, они жестоко избили хозяина ногами и пивными бутылками. Никто не знал за что, - вероятно, он когда-нибудь не пустил их в свое заведение или попрекнул неоплаченной кружкой пива. Никто из посетителей даже не двинулся с места. Карим тоже. Но приглушенные крики жертвы, несущиеся из-за стойки, навсегда запомнились ему. Той ночью он многое узнал от своих дружков - имена, слухи, места сходок. Молодой араб увидел иной мир, о котором доселе и не подозревал. Мир беспощадных подонков, неприступных предместий, подвалов-могил. В другой раз, перед концертом на улице Старой Мэри, мелкая стычка переросла в жестокую бойню. Бандитские кланы сводили счеты в очередной разборке. И Карим помнил изувеченные лица парней, рухнувших на асфальт, липкие от крови волосы девушек, пытавшихся укрыться под машинами.

Юный араб рос и переставал узнавать свой город. Грозная волна насилия вздымалась с его криминального дна. Молодежь восхищенно говорила о некоем камерунце Викторе, который «ширялся» на крышах домов. О Марселе - этот бандит с изрытым оспой лицом и синим кружочком татуировки между бровями, на индийский манер, не единожды сидел в тюрьме за стычки с полицейскими. О Джамеле из Саида, «взявшем» сберегательную кассу. Иногда Карим встречал этих типов в толпе и поражался их изысканным манерам. Это были не какие-нибудь вульгарные, темные и грубые злодеи, а элегантные, модно одетые парни

с лихорадочно блестящими глазами и размеренными движениями.

И он сделал свой выбор. Начав с кражи автомагнитол и угона машин, он достиг определенной финансовой независимости. Сошелся с одним негром – курильщиком опиума, с «медвежатниками», а главное – с пресловутым Марселем, вездесущим, жутковатым, безжалостным Марселем, который с утра до вечера накачивался «дурью», но все равно стоял намного выше всех в предместье, таком близком сердцу Карима. Марсель красил свои коротко остриженные волосы перекисью, носил меховые куртки и любил слушать Венгерские рапсодии Листа. Марсель жил в пустующих домах и читал Блеза Сандрара. Он называл Нантер «спрутом» и измышлял – Карим знал это – сложную систему уловок и доводов, пытаясь оправдать свое скорое и неминуемое падение. Странная вещь: этот человек, порожденный городом, убеждал Карима в том, что за пределами их страшного предместья существует иная жизнь.

И Карим поклялся себе завоевать место в той, иной жизни. Не прекращая воровать, он рьяно взялся за учебу в лицее, немало удивив этим своих дружков. Записался на курсы тайского бокса – чтобы уметь защитить себя от других и от себя самого, ибо временами его обуревали приступы безумной, необузданной ярости. Отныне его судьба уподобилась туго натянутому канату, по которому он шел, балансируя и стараясь не упасть. А вокруг него по-прежнему бушевала яростная, темная, бандитская жизнь, поглощавшая все новые и новые жертвы. Кариму уже исполнилось семнадцать лет. Для него вновь началась пора одиночества. Где бы он ни находился – в клубе, в буфете лицея, у флиппера, – вокруг него тут же воцарялась мертвая тишина. Никто не осмеливался задирать его. Он уже прошел отборочные соревнования по тайскому боксу, и все знали, что Карим Абдуф способен любому свернуть нос на сторону ударом каблука, не вынимая рук из карманов. Шептались также и о других его подвигах – взломах, торговле наркотиками, невиданной жестокости в драках...

Большинство этих слухов были ложными, но обеспечивали Кариму относительную безопасность. Молодой лицеист сдал экзамены на бакалавра с оценкой «хорошо». Директор лицея поздравил его, и Карим с удивлением почувствовал, что этот высокопоставленный господин тоже боится его. Он записался на факультет права в Нантерском университете. В этот период он угонял по две машины в месяц. У него имелись многочисленные каналы сбыта краденого, которые он непрерывно менял. Он был единственным арабом в своем квартале, который ни разу не имел дела с полицией. И еще одно: он ни разу в

жизни не попробовал наркотиков, ни тяжелых, ни легких.

В двадцать один год Карим стал лицензиатом права. Что делать дальше? Ни один адвокат города не принял бы к себе на службу, даже в качестве рассыльного, молодого араба ростом метр восемьдесят пять, тонкого, как проволока, и щеголявшего козлиной бородкой, длинными волосами, заплетенными в косы на антильский манер, и гроздьями сережек в ушах. Кариму так или иначе суждено было хлебнуть безработицы и вновь скатиться на дно. Он решил, что скорее сдохнет, чем допустит это. Продолжать заниматься угоном машин? Карим страстно любил таинственные ночные часы, тишину автостоянок и жар адреналина в крови в те минуты, когда он отключал противоугонные устройства. Он знал, что никогда не сможет отказаться от острого соблазна этого скрытного и опасного существования. И еще он знал, что рано или поздно удача отвернется от него.

И тогда его вдруг осенило: он станет полицейским. Останется в том же темном мире преступлений, но уже под охраной законов, которые глубоко презирает, и государства, которое ненавидит всеми силами души. С самого детства Карим твердо усвоил, что у него нет семьи, нет корней, нет родины. Он жил по своим собственным законам, а родиной было его собственное жизненное пространство.

Отслужив в армии, он поступил в высшую школу инспекторов национальной полиции в Канн-Эклизе, под Монтеро, и стал ее интерном. Впервые в жизни он покинул свое нантерское гнездо. Результаты не заставили себя ждать, и они оказались блестящими. Карим обладал интеллектом выше среднего, а главное – досконально знал нравы и обычаи преступников, законы банд и нищих окраин. К тому же он стал превосходным стрелком и в совершенстве овладел приемами рукопашного боя. Ему не было равных в искусстве «тэ» – квинтэссенции так называемого «закрытого боя», включавшего в себя опаснейшие смертоносные приемы. Товарищи по школе инстинктивно ненавидели его. За то, что он араб. За его гордость и высокомерие. Он умел постоять за себя и выражал свои мысли куда свободнее большинства соучеников, бестолковых, темных парней, подавшихся в эту школу лишь затем, чтобы спастись от безработицы.

Через год Карим завершил учебу, пройдя стажировку в нескольких парижских комиссариатах. И снова труппы, снова нищета, только на сей раз в Париже. Молодой стажер поселился в одной из домишек квартала Аббесс. И смутно понял, что теперь наконец спасен.

Однако он не сжег за собой мосты, не порвал с Нантером. Он регулярно ездил туда узнавать новости. В предместьях царил полный разгром. Виктора нашли на крыше восемнадцатипятиэтажного дома скрюченным и давно окоченевшим, с воткнутым в мошонку шприцем. Overdose[11 - Передозировка (англ.)]. Гасану, могучему светловолосому кабилу, вдребезги разнесли башку из охотничьего ружья. «Медвежатники» сидели за решеткой, в тюрьме Флери-Мерожи. А Марсель вконец «поплыл» от героина.

Карим следил за тем, как гибнут его друзья, и с ужасом понимал, что всех их, рано или поздно, накроет грозный девятый вал смерти. СПИД ускорил этот процесс разрушения. Больницы, некогда забитые искалеченными рабочими и умирающими стариками, нынче не вмещали молодых парней с почерневшими деснами, язвами на коже и разъеденными внутренностями. Карим видел, как его приятели один за другим умирают от СПИДа, как эта страшная болезнь набирает силу, расползается и, взяв в союзники гепатит С, безжалостно косит его поколение. И он испугался, он отступил.

Его городу грозила смерть.

В июне 1992 года он получил диплом, а с ним поздравления членов аттестационной комиссии – эти важные господа внушали ему лишь презрительную жалость. Но само событие следовало отметить. Карим купил шампанского и отправился в Фонтенель, где жил Марсель. Этот день он запомнил навсегда. Он позвонил в дверь. Никого. Спустившись, он стал расспрашивать мальчишек во дворе, обошел все подъезды, футбольные площадки, пустыри... Марселя нигде не было. Он искал его до самой ночи. Все тщетно. К десяти часам Карим приехал в городскую больницу Нантера, в отделение СПИДа: Марсель подхватил его еще два года назад. Он обошел палаты, где смерть вершила свою страшную работу, он храбро смотрел в бескровные лица больных, он расспрашивал врачей.

Но он так и не нашел Марселя.

Пять дней спустя он узнал, что тело его друга обнаружили в каком-то подвале, с обожженными руками, изрезанным лицом и вырванными ногтями. Марселя пытали, а затем прикончили выстрелом в рот из дробовика. Карим не удивился этому известию. Его другу требовалось все больше и больше героина, и он подворовывал его из доз, которыми торговал. Вот что привело его к гибели. По нелепой игре случая именно в тот день молодому арабу вручили удостоверение

инспектора в роскошных трехцветных «корочках». Карим увидел в этом совпадении знак судьбы. Он затаился, со зловещей усмешкой думая об убийцах Марсея. Эти сучьи дети даже не подозревали, что у Марсея есть дружок-полицейский. И уж тем более не могли они предвидеть, что этот дружок не задумается уничтожить их во имя прошлого, во имя глубокого убеждения, что жизнь не может, не должна быть такой хреновой.

И Карим встал на тропу войны.

В несколько дней он разузнал имена убийц. Их видели вместе с Марселем незадолго до предполагаемого момента его смерти. Тьерри Кальдер, Эрик Мазуро, Антонио Донато. Карим был разочарован – всего-навсего жалкие наркоманы, «шестерки». Наверняка решили вызнать у Марсея, где он хранит свои запасы героина. Он навел более подробные справки; ни Кальдер, ни Мазуро не могли пытать Марсея. Им бы пороху не хватило. Значит, их главарь – Донато. За ним числились многие «подвиги» – рэкет, изнасилования несовершеннолетних, сводничество; вдобавок он плотно «сидел на игле».

Карим решил, что смерть Донато будет достойной мстью за друга.

Однако медлить было нельзя: нантерские сыщики тоже разыскивали этих мерзавцев. Карим стал рыскать по городу. Он вырос в Нантере, знал предместья как самого себя. Ему хватило одного дня, чтобы разыскать убежище троицы наркоманов. Это был пустующий дом возле шоссе моста Нантер-Университет.

Карим вошел в вестибюль с развороченными почтовыми ящиками, взобрался наверх и улыбнулся: за дверью звучала «Tribe Called Quest» – запись из альбома, который он и сам слушал уже многие месяцы. Он вышиб дверь ногой и произнес лишь одно слово: «Полиция!» В его венах бурлил адреналин. Впервые он играл в сыщика, не чувствуя страха.

Трое парней окаменели от изумления. В квартире царил хаос: осыпавшаяся штукатурка, пробитые перегородки, искореженные, торчащие во все стороны трубы; на драном тюфяке стоял телевизор «Сони» последней модели, наверняка краденый. На экране мелькали бледные тела в непристойных позах – шел порнофильм. В углу завывал вентилятор, от его вибрации с потолка осыпалась побелка.

Карим словно раздвоился: его взгляд шарил по комнате, фиксируя автомагнитолы, кучей сваленные в углу, надорванные пакетики героина, помповое ружье и коробки с патронами; одновременно он сразу засек и опознал Донато по имевшейся в его деле антропометрической фотографии, – бескровное костистое лицо в шрамах, со светлыми глазами. А следом и двух остальных – они силились стряхнуть с себя наркотический дурман. Карим еще не вынимал револьвер из кобуры.

– Кальдер, Мазуро, валите отсюда!

Оба парня вздрогнули, услышав свои имена. Поколебавшись, они обменялись бессмысленными взглядами и шмыгнули в дверь. Донато дрожал как осиновый лист. Вдруг он рванулся к ружью. Но в тот миг, как он коснулся приклада, Карим ударом кованого ботинка пригвоздил его руку к полу, а другой ногой пнул в лицо. Рука хрустнула в запястье. Донато взвыл от боли. Сыщик схватил его за шиворот и вдавил в старый тюфяк. Магнитофон продолжал глухо бубнить «A Tribe Called Quest».

Карим выхватил свой автоматический пистолет из кобуры на левом боку и сунул руку с оружием в пакет из прозрачного пластика – специального огнестойкого полимера, – которым он запасся на этот случай. Он стиснул пальцы на тяжелой рукоятке. Донато вытаращил глаза.

– Ты чего, падла... ты чего делаешь?

Карим вогнал пулю в ствол и улыбнулся.

– Гильзы, друг. Никогда не видал в сериалах? Главное – не оставлять стреляные гильзы.

– Чего тебе надо? Ты легавый, что ли? Ты точно легаш?

Карим благодушно покивал в ответ. Затем сказал:

– Я от Марсея.

– От кого?

Взгляд наркомана выражал недоумение. Карим понял, что Донато не помнит человека, которого замучил насмерть. В его одурманенной памяти не существовало никакого Марсея, его просто никогда не было.

- Проси у него прощения.

- Че... чего?

Солнечные лучи осветили взмокшее от пота лицо Донато. Карим наставил на него пистолет в пакете.

- Проси прощения у Марсея! - выдохнул он.

Тот понял, что ему грозит смерть, и взвыл не своим голосом:

- Прости! Прости, Марсель! Прости... мать твою! Я извиняюсь, Марсель! Я...

Карим дважды выстрелил ему в лицо.

Достав пули из опаленной ваты тюфяка, он сунул их в карман вместе с горячими гильзами и вышел не оборачиваясь.

Так Карим распрощался с Нантером, городом, который научил его жить.

Спустя месяц молодой араб позвонил в комиссариат полиции на площади Ла Буль. Ему сообщили то, что он и сам уже знал. Донато убит - скорее всего, двумя пулями из парабеллума 9-го калибра, но ни пуль, ни гильз не нашли. Что же касается двоих его сообщников, то они бесследно исчезли. Дело закрыто. И для полиции. И для Карима.

Он попросился на работу на набережной Орфевр[12 - На набережной Орфевр расположено Министерство внутренних дел.], в КРБ подразделения, боровшегося с особо опасными преступниками. Но результаты тестирования обернулись против него. Вместо этого ему предложили поработать в Шестом дивизионе - антитеррористической бригаде, которая занималась внедрением агентов в среду исламских фундаменталистов, обосновавшихся в парижских

предместьях. Полицейские-арабы были слишком большой редкостью, чтобы упускать такую блестящую возможность. Но Карим отказался. Он не станет заниматься шпионскими играми, даже если речь идет о фанатичных убийцах. Ему хотелось жить и действовать в царстве ночи, выслеживать и уничтожать бандитов на их же территории – словом, остаться в том параллельном мире, частью которого некогда был сам. Однако начальству не понравился его отказ. И через несколько месяцев лейтенант Карим Абдуф, выпускник полицейской школы Канн-Экюза, ненайденный убийца психопата и наркомана, получил назначение в Сарзак, департамент Ло.

Ло. Глухомань, в которой давно не останавливались поезда. Место, где призрачные деревушки выростали за поворотом дороги, точно каменные грибы. Край пещер, где даже туризм ориентировался на троглодитов, – кругом одни ущелья, пропасти да наскальная живопись... Этот медвежий угол своим видом оскорблял душу Карима. Молодой араб вырос на городских улицах, и его тошнило от этого деревенского захолустья.

И вот началось время тоскливого прозябания. Карим подышал от скуки, нарушаемой редкими и смехотворными заданиями – составлением протокола о дорожной аварии, арестом воришек в магазинах, отловом бродяг на турбазах...

Молодой араб жил полной жизнью только в мечтах. Он читал биографии великих сыщиков. В свободное время ездил в библиотеки Фижака или Каора и выискивал в газетах все, что относилось к работе настоящих «профи» в области сыска. Читал он также старые бестселлеры и воспоминания гангстеров. Подписался на все полицейские газеты, каталоги оружия, журналы по баллистике и новым оружейным технологиям. В общем, с головой ушел в бумажный мир.

Он жил один, работал один, спал один. В комиссариате – наверное, самом маленьком во Франции – его ненавидели и боялись. Сотрудники прозвали его Клеопатрой – из-за его косичек. Считали ортодоксальным мусульманином, оттого что он не пил. Подозревали в нем извращенца, так как он упорно избегал традиционных визитов к «девочкам» в часы ночного патрулирования.

Замкнувшись в гордом одиночестве, Карим считал дни, минуты, секунды; иногда, в выходные, он по целым дням не раскрывал рта.

В то утро понедельника он как раз выходил из очередного воскресного ступора после того, как весь день просидел дома, если не считать обычной тренировки в лесу, где он упражнялся в смертоносных приемах «тэ» и в стрельбе по вековым деревьям, служившим ему мишенями.

Раздался звонок в дверь, Карим по привычке взглянул на часы: 07.45. Он открыл.

На пороге стоял Селье, один из патрульных полицейских. Он выглядел одновременно и взволнованным и заспанным. Карим не предложил ему ни сесть, ни выпить чая. Только коротко спросил:

– Ну?

Селье открыл было рот, но так ничего и не выговорил. Его волосы под фуражкой слиплись от жирного пота. Наконец он пробормотал:

– Это... школа. Ну, младшая школа...

– И что там?

– Школа Жана Жореса. Туда залезли... сегодня ночью.

Карим усмехнулся. Хорошенькое начало недели! Наверняка хулиганье из соседнего городка – забрались в школу и устроили там бардак, лишь бы нагадить людям.

– Сильно порезвились? – спросил Карим, одеваясь.

Полицейский в мундире скривился, глядя на Каримов наряд – майка, джинсы, спортивная куртка с капюшоном, а поверх нее коричневая кожаная тужурка, какие носили мусорщики пятидесятых годов. Он проямлил в ответ:

– Да нет, наоборот... Похоже, работали спецы...

Карим начал шнуровать высокие ботинки.

– Спецы? Что ты имеешь в виду?

– Это не молодежь баловалась... Дверь вскрыли отмычкой. И вообще... сработано аккуратно. Хорошо, что директриса заметила кое-что подозрительное, а так бы...

Араб встал.

– Украли что-нибудь?

Селье с тяжким вздохом расстегнул ворот мундира.

– Вот в том-то и загвоздка, что ничего.

– Ничего?

– Совсем ничего. Просто влезли, покопались и – фюить! Как вошли, так и вышли...

Карим взглянул на себя в оконное стекло. Темное худое лицо, вдобавок удлиненное остроконечной бородкой, обрамляли две длинные косы. Он натянул до бровей пеструю ямайскую шапочку и улыбнулся своему отражению. Дьявол. Настоящий дьявол, прилетевший с Карибских островов. Он повернулся к Селье:

– А при чем тут я?

– Крозье еще не вернулся после выходных. Ну вот... мы с Дюссаром и решили... может, ты... В общем, хорошо бы тебе глянуть, Карим, а?

– Ладно. Пошли.

8

Над Сарзаком вставало солнце. Октябрьское солнце, еле теплое, бледное, словно после тяжелой болезни. Карим ехал в своем стареньком «Пежо» следом

за патрульным фургоном. Они пересекли центральные кварталы, где царила мертвая тишина.

Сарзак не был ни старинным поселением, ни современным городом. Он расползлся по длинной равнине беспорядочными скоплениями ветхих, ничем не примечательных зданий, и только у центра было, пожалуй, свое лицо – булыжные мостовые, трамвайчик, юрко бегавший туда-сюда. Проезжая по этим улочкам, Карим всякий раз, сам не зная почему, думал о Швейцарии или Италии. Он никогда не бывал ни в той, ни в другой.

Школа Жана Жореса находилась в восточной части города, в квартале бедноты, рядом с промзоной. Карим миновал безобразные синие и бурые многоэтажки, напомнившие ему улицы его детства. Школа стояла за бетонным ограждением разбитой асфальтовой дороги.

На крыльце их ждала женщина в просторном темном кардигане. Директриса. Карим поздоровался и назвал себя. Женщина ответила искренней улыбкой, и это удивило сыщика. Обычно его внешность вызывала у людей враждебную настороженность. Карим мысленно поблагодарил женщину и задержал на ней взгляд. Ее безмятежное лицо с большими зелеными глазами напоминало гладкую поверхность пруда с двумя кувшинками.

Директриса, не говоря ни слова, повела его внутрь. Здание в псевдомодерновом стиле выглядело запущенным долгостроем. Коридоры с низкими потолками, облицованные полистиролом с задравшимися краями. Множество детских рисунков, прикрепленных кнопками или сделанных прямо на стене. Маленькие вешалки на высоте детского роста. И все вкривь и вкось. Кариму чудилось, что он угодил в раздавленную коробку из-под обуви.

Директриса остановилась у приоткрытой двери и таинственно прошептала:

– Вот единственная комната, куда они проникли.

Она осторожно отворила дверь, и оба вошли в кабинет, больше похожий на зал ожидания. Застекленные шкафы были набиты школьными журналами и учебниками. На небольшом холодильнике стояла кофеварка. Стол из дерева «под дуб» был почти целиком заставлен цветочными горшками, погруженными в поддоны с водой. В комнате сильно пахло влажной землей.

– Вот видите, – сказала женщина, указав на один из шкафов, – он был открыт. Там наши архивы. На первый взгляд они ничего не украли и даже ни к чему не прикоснулись.

Карим встал на колени и начал разглядывать замок. Десятилетний стаж угонщика автомобилей наделил его солидными познаниями в воровском искусстве. Тот, кто открыл этот шкаф, вне всякого сомнения, знал толк в своем деле. Карим был крайне удивлен: чем могла заинтересовать такого «профи» начальная школа Сарзака? Он вынул один из журналов и бегло пролистал его. Списки учеников, заметки преподавателей, распоряжения администрации... Каждый журнал был помечен определенным годом.

Инспектор встал на ноги.

– Никто ничего не слышал?

Женщина ответила:

– Знаете, школа, в общем-то, не охраняется. Консьержка у нас, конечно, есть, но, честно говоря...

Карим не сводил глаз с застекленного шкафа, который неизвестные открыли так умело.

– Вы думаете, сюда проникли в ночь на субботу или воскресенье?

– Да в любую ночь или даже днем. В воскресенье зайти сюда ничего не стоит, но красть здесь абсолютно нечего.

– Хорошо! – решительно сказал Карим. – Вам придется зайти в комиссариат и оставить заявление.

– Вы ведь внедрены, не так ли?

– Что-что?

Директриса пристально разглядывала Карима. Она продолжала:

– Я ведь вижу по одежде, по поведению. Вас внедряют в банды гангстеров и...

Карим расхохотался.

– Мадам, гангстеры не бегают по полям, особенно по здешним.

Но директриса пропустила эту реплику мимо ушей и убежденно заявила:

– Не спорьте, уж я-то знаю, как это делается. Я видела один документальный фильм, там сыщики вроде вас носят двусторонние куртки с полицейским значком за отворотом и...

– Мадам, – прервал ее Карим, – вы переоцениваете ваш городишко.

Он круто повернулся и направился к двери. Но директриса задержала его.

– Вы даже не снимете отпечатки пальцев, не соберете улики?

Карим ехидно заявил:

– Я думаю, ввиду крайней важности этого дела, мы удивимся вашим заявлением... ну, и еще проедемся по кварталу.

Женщина была явно разочарована. Она снова внимательно оглядела Карима.

– Вы ведь не местный?

– Нет.

– Что же вы такое натворили, что вас назначили сюда?

– Это долгая история. Как-нибудь на днях я, может быть, зайду и поведаю ее вам.

Во дворе Карим увидел полицейских, кутивших в кулак с видом провинившихся школьников. Из фургона выскочил Селье.

- Лейтенант, тут еще одна штука приключилась!

- Что такое?

- Опять взлом. Господи, сколько лет я уже в Сарзаке, но чтоб такое!..

- Где?

Селье колебался, глядя на своих товарищей. Его усы подрагивали в такт громкому хриплому дыханию.

- Там... На кладбище... Кто-то пробрался в склеп.

Надгробия с крестами на пологом склоне переливались серовато-зелеными красками, точно подушечки мха. Здесь пахло мокрой землей и увядшими цветами. Карим прошел за ограду.

- Ждите меня тут! - бросил он патрульным.

Молодой араб натянул резиновые перчатки, думая при этом, что Сарзак еще долго будет вспоминать этот бурный понедельник.

На сей раз он заехал домой, чтобы взять свою «походную лабораторию» - чемоданчик с гранитным и алюминиевым порошками, клейкую ленту и нингидрин для снятия отпечатков, каучуковую пасту для фиксации следов, если таковые остались на месте происшествия... Он был полон решимости провести расследование самым тщательным образом.

Карим шагал по усыпанным гравием дорожкам к склепу, который указал ему Селье.

Он со страхом думал, что его ждет там настоящее осквернение могилы, какие вот уже много лет совершались во Франции сатанистами или другими подобными сектами. Обычно они разбивали черепа, уродовали трупы. Но нет: здесь все было в порядке, осквернители как будто ничего не тронули, только проникли в склеп. Карим подошел ближе и увидел гранитное сооружение в виде часовенки.

Дверь была слегка приоткрыта. Карим присел на корточки и осмотрел замок. Как и в школе, так и здесь злоумышленники использовали отмычку. Полицейский провел рукой по створке: да, тут явно работали умельцы. А вдруг те же самые?

Он растворил дверь чуть шире и попытался представить себе эту сцену. Интересно, почему злоумышленники с такими предосторожностями открыли склеп, а ушли, не закрыв дверь? Лейтенант несколько раз качнул ее туда-сюда и понял причину: в дверные петли угодили осколки гравия, мешавшие прижать створку к косяку. Каменная крошка виднелась и на земле, она-то и выдала взломщиков.

Сыщик внимательно изучил устройство замка. Это была особая система гранитных задвижек, несомненно типичная для могильных склепов, но знакомая только специалистам. Карим вздрогнул: ничего себе спецы по склепам! И он снова задумался: не могла ли одна и та же шайка поработать и на кладбище, и в школе? Тогда какая связь между этими двумя взломами?

Надпись на стеле частично ответила на его вопрос. Она гласила: «Жюд Итэро. 23 мая 1972–14 августа 1982». Карим прикинул: может, этот мальчик учился в школе Жана Жореса? Он снова взглянул на плиту – никакой эпитафии, никакой молитвы. Всего лишь овальная рамка из потемневшего серебра. Но портрета внутри не было.

– Это имя девчонки или как?

Карим обернулся. Позади стоял Селье в своих тяжелых армейских ботинках; вид у него был довольно напуганный. Лейтенант процедил сквозь зубы:

– Нет, мальчика.

– Имя-то, кажись, английское?

- Нет, еврейское.

Селье вытер мокрый лоб.

- Черт подери, значит, это осквернение могилы, как в Карпантра. Наверняка штучки правых.

Карим поднялся, отряхивая землю с рук в перчатках.

- Нет, не думаю. Будь добр, обожди меня у входа вместе с другими.

Селье удалился, сдвинув фуражку на затылок и что-то бормоча под нос. Проводив его взглядом, Карим снова принялся рассматривать дверцу склепа.

Наконец он решил войти внутрь. Пригнувшись, он спустился по каменным ступеням, освещая себе путь фонариком; под его ногами скрипели осколки гравия. У Карима было чувство, будто он нарушает какое-то древнее табу. Хорошо хоть, что сам он неверующий. Лучик фонаря разрезал подземный мрак. Карим сделал еще пару шагов и замер. Он увидел перед собой, на подставке, небольшой гроб из светлого дерева.

У Карима пересохло в горле. Подойдя, он стал разглядывать его. Гроб был длиною примерно метр шестьдесят, с серебряными украшениями по углам. Несмотря на подземную сырость, он довольно хорошо сохранился. Карим потрогал швы, думая при этом, что никогда не осмелился бы сделать это без перчаток. Он сердился на себя за эту боязнь. На первый взгляд гроб как будто не открывали. Карим зажал фонарик в зубах, чтобы получше осмотреть винты. И вдруг у него над ухом прогремел голос:

- Какого черта вам здесь надо?

Карим содрогнулся. Он невольно открыл рот, фонарь выпал, ударился о крышку гроба и погас. В кромешной тьме полицейский обернулся и увидел в светлом проеме двери силуэт человека, который, подавшись вперед, разглядывал его. Араб пошарил под ногами, отыскивая фонарь, и через силу выдохнул:

- Полиция. Я офицер полиции.

Помолчав, человек ворчливо изрек:

– Все равно у вас права нет входить сюда.

Полицейский наконец отыскал фонарь и поднялся наверх. Перед ним стоял высокий пожилой мужчина с хмурым взглядом – очевидно, кладбищенский сторож. Карим знал, что действовал незаконно. Для вскрытия могилы полагалось иметь письменное согласие родных или же специальное постановление властей. Он шагнул через порог и сказал:

– Я выхожу, дайте пройти.

Человек посторонился. Карим жадно вдохнул светлый живительный воздух и предъявил сторожу свое трехцветное удостоверение:

– Я Карим Абдуф, офицер полиции Сарзака. Это вы обнаружили, что склеп вскрыли?

Тот молчал, разглядывая араба своими бесцветными глазками – точь-в-точь пузырьки воздуха в мутной воде. Затем повторил:

– У вас права нет входить сюда.

Карим рассеянно кивнул. Утренний воздух и свет уже бесследно прогнали его страхи.

– Ладно, ладно, старина, не будем спорить. Полиция всегда в своем праве.

Сторож скривил губы, еле видные в клочковатой бороде. От него пахло спиртным и мокрой глиной. Карим продолжал:

– О'кей, расскажите мне все, что знаете. В котором часу вы это обнаружили?

Сторож со вздохом ответил:

– Да вот... пришел в шесть часов и увидел. Нынче днем тут у нас похороны.

- А последний раз вы когда здесь проходили?

- Да в пятницу.

- Значит, склеп могли открыть в выходные в любое время?

- Оно так, да только, я думаю, лезли сегодня ночью.

- Почему?

- В воскресенье-то шел дождь, а в склепе сухо... Стало быть, дверь тогда еще была заперта.

- Вы живете тут рядом?

- Тут рядом никто не живет.

Араб окинул взглядом маленькое кладбище, дышавшее безмятежным покоем.

- Бродяги к вам сюда не навевались?

- Нет.

- Ну, еще какие-нибудь подозрительные личности? Случаев вандализма не было? Черные мессы не устраивались?

- Нет.

- Расскажите мне об этом захоронении.

Сторож сплюнул на гравий.

- А чего говорить-то?

- Склеп для одного ребенка... как-то странно, правда?

– Верно, чудно.

– Вы знаете его родителей?

– Нет. Никогда не видал.

– Разве вы не работали здесь в восемьдесят втором году?

– Нет. Прежний сторож помер. – Мужчина усмехнулся. – Наш брат тоже отдает концы, как и все...

– За этим склепом, видимо, ухаживают?

– А я и не говорю, что не ухаживают. Только я их никого не вижу. Я ведь человек опытный, знаю, за сколько времени может искрошиться камень, сколько держатся цветы, будь они хоть пластмассовые. Знаю, откуда лезут сорняки, колючки и прочая пакость. Ну так вот: за этим склепом приглядывают как надо. И ходят часто. Да только я их никогда тут не заставал.

Карим снова задумался. Потом присел на корточки и взглянул на овальную рамку. Не поднимая головы, он сказал сторожу:

– Мне кажется, воры украли фотографию мальчика.

– Да ну? Что ж, может, и так.

– А вы помните лицо этого ребенка?

– Нет.

Карим выпрямился и, стягивая перчатки с рук, заключил:

– Сегодня приедет спецбригада, они снимут все отпечатки и следы. Так что намеченную церемонию придется отменить. Отговаривайтесь чем хотите – срочные работы, протечка водопровода, – но сегодня на кладбище не должно быть посторонних, ясно? И особенно журналистов.

Старик кивнул. Карим уже шел к воротам.

Где-то вдали колокол лениво прозвонил девять раз.

9

До того как ехать в комиссариат и писать отчет, Карим решил снова заглянуть в школу. Солнце уже разбросало на крышам рыжие лучи. Сыщик опять подумал, что день обещал быть прекрасным, и от этой банальной мысли ему стало тошно.

Войдя в школу, он спросил у директрисы:

- Не учился ли у вас тут в восьмидесятые годы мальчик по имени Жюд Итэро?

Женщина кокетливо промурлыкала, играя широкими рукавами своего кардигана:

- Уже взяли след, инспектор?

- Пожалуйста, ответьте мне.

- Ах да... Нужно проверить в архиве.

- Пошли посмотрим. Сейчас же.

Директриса снова привела Карима в свой кабинет-оранжерею.

- Вы сказали, восьмидесятые годы? - переспросила она, водя пальцем по корешкам журналов на полке.

- Восемьдесят второй, восемьдесят первый и так далее, - ответил Карим.

Внезапно он почувствовал ее замешательство.

- Что случилось?

- Как странно! Сегодня утром я не заметила...

- Что именно?

- Журналы... как раз за восемьдесят первый и восемьдесят второй годы... Они исчезли.

Отстранив директрису, Карим стал внимательно разглядывать темные корешки. На каждом значилась дата. Вот 1979-й, 1980-й... И верно: две следующие цифры отсутствовали.

- Что записывают в этих журналах? – спросил Карим, листая один из них.

- Фамилии учеников. Заметки учителей. Это как бы дневник школьной жизни.

Карим открыл журнал за 1980 год и взглянул на список учеников.

- Если ребенку исполнилось в восьмидесятом году восемь лет, в каком он был классе?

- В начальном втором. Или даже в первом среднем.

Карим пробежал глазами список; Жюда Итэро там не было.

Он спросил:

- А есть ли в школе другая документация, дающая сведения об учениках восемьдесят первого и восемьдесят второго годов?

Директриса задумалась.

- Нужно посмотреть наверху... Там есть, например, списки детей, питающихся в нашей столовой. Или отчеты о медицинских осмотрах. Это все хранится на

чердаке. Пройдемте со мной. Там никто никогда не бывает.

Директриса была явно возбуждена этими поисками. Они поднялись наверх, прошли по узкому коридору и остановились у железной двери. И тут женщина застыла в изумлении.

– Не может быть! – воскликнула она. – Смотрите, эту дверь тоже взломали...

Карим исследовал замок. Дверь была не взломана, а отперта, и притом весьма умело. Полицейский шагнул внутрь. Чердак представлял собой обширную мансарду, освещаемую лишь зарешеченным слуховым оконцем. Металлические стеллажи были забиты связками бумаг и папками; от запаха сухой пыли у Карима запершило в горле.

– Где папки за восемьдесят первый и восемьдесят второй годы? – спросил он.

Директриса молча подошла к одной из полок и стала рыться в слежавшихся стопках бумаг. Эта операция заняла несколько минут, после чего женщина уверенно объявила:

– Они тоже исчезли.

У Карима пробежал холодок по спине. Школа. Кладбище. 1981–1982 годы. Мальчик по имени Жюд Итэро. Все эти элементы складывались в единое целое. Он продолжал расспросы:

– Вы уже работали здесь в восемьдесят первом году?

Женщина состроила кокетливо-укоризненную гримаску:

– Ну что вы, инспектор! Я тогда еще была студенткой...

– Тогда, может быть, старожилы рассказывали вам о каких-нибудь странных происшествиях того времени?

– Нет. Что, собственно, вы имеете в виду?

- Например, смерть одного из учеников.

- Нет-нет, таких историй я не слышала. Но я могу узнать, если хотите...

- Где?

- Да в отделе образования нашего департамента.

- Не могли бы вы навести еще такие справки: учился ли в те годы в вашей школе мальчик по имени Жюд Итэро?

Директриса буквально задышалась от волнения и энтузиазма.

- Конечно... никаких проблем, инспектор! Я непременно...

- Узнайте поскорее. Я заеду через час.

Карим сбежал было по лестнице, но на полдороге остановился и добавил:

- Кстати, еще кое-что для вашей «криминальной» эрудиции: к полицейским теперь обращаются не «инспектор», а «офицер». Как в Америке.

Директриса изумленно смотрела вслед исчезающей тени.

Среди полицейских Сарзака Карим меньше всех презирал своего шефа Крозье. Не потому, что тот был его прямым начальником, просто Крозье прекрасно знал свое дело и нередко демонстрировал интуицию прирожденного сыщика.

Анри Крозье, пятидесяти четырех лет, уроженец Ло и отставной военный, работал в местной полиции уже лет двадцать. Приплюснутый нос, тщательно прилизанные волосы, суровое, непроницаемое лицо. При этом он мог неожиданно проявить доброту и человечность. Крозье жил одиноко, без жены и детей, и нужно было обладать поистине неумемной фантазией, чтобы вообразить его в кругу семьи. Это одиночество сближало его с Каримом, но на том их сходство и кончалось. В остальном шеф был типичным провинциальным

полицейским и типичным французом. Чем-то вроде гончей, стремящейся превратиться в немецкую овчарку.

Карим коротко постучал и вошел. Кабинет, заставленный металлическими шкафчиками-картотеками, насквозь пропах душистым трубочным табаком. Стены были завешаны дурацкими фотоплакатами, восславляющими французскую полицию. При виде этих «геройских» фигур Кариму снова стало тошно.

– Ну, что там за хреновина? – спросил Крозье, сидевший за письменным столом.

– Взлом в школе и осквернение могилы. В обоих случаях работали тихо и очень квалифицированно. Странные дела.

Крозье скривился:

– А что украли?

– В школе – пару старых классных журналов. На кладбище – пока неизвестно. Нужно бы получше осмотреть склеп...

– Ты думаешь, эти дела связаны между собой?

– Очень похоже. Два взлома в одно и то же воскресенье, в одном и том же городе... Здорово подпортит нам статистику.

Крозье начал прочищать свою почерневшую трубку. Карим усмехнулся про себя: шеф «косил» под знаменитых детективов пятидесятых годов.

– Вероятно, связь есть, – сказал он, понизив голос. – Конечно, надо сначала проверить, но...

– Я слушаю.

– В склепе захоронен мальчик с весьма оригинальным именем – Жюд Итэро. Он умер в восемьдесят втором году в возрасте десяти лет. Может, вы об этом слышали?

- Нет. Продолжай.

- Ну так вот: украденные классные журналы тоже относятся к восемьдесят первому и восемьдесят второму годам. И я подумал: вдруг малыш Жюд учился в этой школе в те годы и...

- У тебя есть доказательства этой гипотезы?

- Нет.

- Ты проверял другие школы?

- Нет еще.

Крозье продул трубку – ну прямо вылитый комиссар Попей! Карим подошел ближе и заговорил как можно вкрадчивее:

- Разрешите мне заняться этим делом, комиссар. Я нюхом чую: это очень странная история. Тут существует некая связь. Может, это все и ерунда, но я почему-то уверен, что работали настоящие «профи». Они что-то искали. Нужно прежде всего связаться с родителями мальчика, а затем как следует пошарить в склепе. Я... Вы что, не согласны?

Опустив глаза, Крозье усердно набивал табаком жерло трубки. Наконец он пробормотал:

- Это дело рук скинов[13 - Скины, или скинхеды (от англ. skinhead – бритоголовый), – молодые люди крайне правой, часто профашистской ориентации.].

- Кого?

Крозье поднял глаза.

- Я говорю, кладбище – это дело рук бритоголовых.

– Каких бритоголовых?

Крозье громко рассмеялся.

– Вот видишь, тебе еще многое предстоит узнать в наших краях. Эти типы – их десятка три – живут в заброшенном ангаре возле Кейлюса. Там раньше был склад минеральных вод. Это километрах в двадцати отсюда.

Карим задумался, не сводя глаз с Крозье. Волосы комиссара ярко блестели на солнце, точно смазанные маслом.

– Мне кажется, вы заблуждаетесь.

– Селье говорил мне, что могила еврейская.

– Да ничего подобного! Я просто сказал ему, что Жюд – имя еврейского происхождения. Но это ровно ничего не означает. На склепе нет никакой иудейской символики, и вообще, евреи предпочитают хоронить покойников среди своих. Комиссар, этот мальчик умер в возрасте десяти лет. В таких случаях на еврейских могилах всегда имеется символ, гравировка, в общем, нечто, объясняющее эту преждевременную кончину. Ну, вроде обрушенной колонны или надломленного деревца. Но это захоронение явно христианское.

– Ишь ты, какой ученый! И откуда ты все знаешь?

– Читал.

Но Крозье упрямо повторил:

– Там орудовали бритоголовые.

– Но это абсурд! Совершенно не типично для расистов. Даже обыкновенным вандализмом не пахнет. Воры явно что-то искали...

– Карим! – прервал его Крозье дружеским тоном, в котором, однако, слышалось легкое раздражение. – Я всегда прислушивался к твоим мнениям и советам. Но здесь команду я. Так вот, поверь старому сыскному псу и займись

бритоголовыми. Наведайся к ним, и, я думаю, тебе это кое-что даст.

Карим выпрямился и сглотнул слюну.

– Один?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что боишься кучки бритых сопляков?

Карим не ответил. Крозье обожал устраивать своим подчиненным такие испытания. Конечно, с его стороны это была подлость, но вместе с тем и знак уважения. Молодой араб вцепился в край стола. Ладно, если Крозье угодно поиграть, то и он доведет эту игру до конца.

– Комиссар, я предлагаю вам сделку.

– Ишь ты!

– Я съезжу к бритоголовым. Один. Потрясу их как следует и представлю вам рапорт сегодня же, до тринадцати часов. Но за это вы добудете мне разрешение обыскать склеп на законных основаниях. И еще я хочу потолковать с родителями малыша. Тоже сегодня.

– А если это все-таки skins?

– Это не skins.

Крозье раскурил трубку. Табак затрещал, как целый сноп люцерны.

– Ладно, идет, – сказал он со вздохом.

– Значит, после Кейлюса я займусь расследованием?

– Только если успеешь доложить мне к тринадцати часам. Но все равно, парни из республиканской полиции очень скоро сядут нам на хвост.

Молодой сыщик направился к двери. Он уже взялся за ручку, когда комиссар добавил:

– Я уверен, бритоголовые будут в восторге от твоего стиля работы.

Карим захлопнул за собой дверь под жирный смех старого жандарма.

10

Настоящий сыщик обязан знать своего врага вдоль и поперек. Знать все его сильные и слабые стороны, все его личины. Карим знал скинов как самого себя. Еще во времена Нантера он часто сталкивался с ними в беспощадных уличных разборках. А во время учебы в полицейской школе написал о них подробный доклад. И теперь, мчась на полной скорости в Кейлюс, он мысленно перебирал свои воспоминания. Не вредно было заранее прикинуть шансы на удачу в разговоре с этими подонками.

Главное – определить, с какой из двух группировок ему придется иметь дело. Не все скины были крайне правыми – кроме них имелись еще «красные скины», примыкавшие к левым экстремистам. Молодые люди разных национальностей, тренированные, накачанные, приверженные своему особому кодексу чести, они были так же опасны, как неонацисты, – если не более. Но с этими Кариму еще удалось бы как-то справиться. Он бегло припомнил атрибуты каждой группировки. «Фаты»[14 - «Фаты» – фашисты, крайне правые.] носили свои «бомберы» – куртки английских военных летчиков – лицевой стороной, блестящей и зеленой. «Красные», напротив, выворачивали их наизнанку, фосфоресцирующей оранжевой подкладкой наружу. «Фаты» шнуровали бутсы белыми или красными шнурками, «левые» – желтыми.

Около одиннадцати утра Карим остановился возле заброшенного ангара с вывеской «Воды долины». Высокие стены из волнистого пластика сливались с голубизной неба. У дверей стояла черная «DS». Несколько секунд на подготовку, и Карим выскочил из машины. Эти ублюдки наверняка там, внутри, лакают свое любимое пиво.

Он подошел к ангару, стараясь дышать глубоко, размеренно и твердя про себя самое важное: зеленые куртки, белые или красные шнурки – «фаты», оранжевые куртки и желтые шнурки – «красные».

Если он это запомнит, у него будет шанс выпутаться без потерь.

Сделав глубокий вдох, он толкнул в сторону раздвижную дверь. Ему даже не понадобилось смотреть на шнурки, чтобы определить, к кому он попал. Стены были сплошь размалеваны красными свастиками. Нацистские символы соседствовали с увеличенными фотографиями узников концлагерей и замученных пытками алжирцев. Под ними располагалась орда бритоголовых в зеленых куртках; все они смотрели на него. Значит, крайне правые, из самых оголтелых. Карим знал, что у каждого из них на нижней губе, с внутренней стороны, вытатуировано слово «skin».

Полицейский напрягся, как рысь, готовая к прыжку, ища взглядом оружие. Ему был знаком арсенал этих психов – американские кастеты, бейсбольные биты и пистолеты для самозащиты с двойным зарядом дроби. И уж наверняка эти сволочи прятали где-нибудь помповые ружья, заряженные каучуковыми пулями – «вышибалами».

Но то, что он увидел, оказалось много хуже.

Birds. Женщины-скины, тоже обритые, если не считать хохолка надо лбом и двух длинных, спадающих на щеки прядей. Дородные мускулистые девки, пропахшие спиртным и наверняка еще более свирепые, чем их парни. У Карима пересохло в горле. Он надеялся застать здесь компанию изнывающих от безделья бродяг, а столкнулся с настоящей бандой, которая оттягивалась в ожидании очередного заказа на погром. Его шансы на благополучный исход таяли с каждой секундой.

Одна из девиц хлебнула из кружки, разинула рот и звучно рыгнула. Специальный номер для Карима. Остальные загоготали. Все они были ростом не ниже полицейского. Карим сказал, стараясь, чтобы его голос звучал громко и уверенно:

– О'кей, парни. Я из полиции. Хочу задать вам несколько вопросов.

Скины встали и пошли на него стеной. Этот тип, из полиции или еще откуда, был для них прежде всего «мавром»[15 - «Мавр» - презрительная кличка североафриканцев, живущих во Франции.]. А чего стоила шкура какого-то «мавра» в ангаре, среди банды таких подонков?! Или даже в глазах Крозье и других полицейских. Молодой араб вздрогнул. На какую-то долю секунды почва ушла у него из-под ног. Ему чудилось, будто на него ополчился весь город, вся страна, а может, и целый мир.

Он выхватил автоматический пистолет и вскинул его к потолку. Этот жест на миг остановил нападавших.

- Повторяю: я из полиции и пришел играть с вами в открытую.

Он медленно положил пистолет на ржавую бочку. Бритоголовые молча смотрели на него.

- Вот, глядите, я оставляю оружие здесь. Но чтобы никто не трогал его, пока мы будем говорить.

Пистолет Карима «глок-21» был суперновой моделью, на семьдесят процентов из сверхлегкого полимера. Пятнадцать пуль в обойме, одна в стволе и фосфоресцирующий прицел. Он знал, что скины такого никогда не видели. Одно очко он уже выиграл.

- Кто вожак?

В ответ - молчание. Карим шагнул вперед и повторил:

- Кто вожак, черт подери? Не будем терять время.

Самый рослый из парней подошел ближе; его напряженная поза выдавала готовность к звериному прыжку. Он спросил с местным гортанным акцентом:

- Чего тут надо этой крысе?

- Я забуду, что ты назвал меня крысой, приятель. Давай потолкуем?

Скин надвигался на Карима, мотая головой. Он был выше и шире полицейского. Молодой араб вспомнил о своих косах: в случае драки они давали противнику идеальную возможность для захвата. А скин был уже совсем рядом. Его растопыренные пальцы напоминали железные клещи. Но Карим не отступал ни на миллиметр. Краем глаза он заметил, что остальные, справа, подбираются к его оружию.

– Ну, ты, арабская свинья, чего тебе...

Молниеносный выпад головой – и полицейский раздробил главарю нос. Парень схватился за лицо. Карим сделал полный разворот и ударом каблука в горло отшвырнул от себя хулигана метра на два; тот взлетел в воздух и шлепнулся на пол, вопя от боли.

Один из скинов схватил пистолет Карима и нажал на курок. Но выстрела не последовало. Только легкий щелчок. Он попытался вогнать пулю в ствол, но обойма была пуста. Карим выхватил из-за спины «беретту» и направил ее на бритоголовых. Припечатав поверженного вожака ногой к полу, он взревел:

– Вы что думали, я оставлю заряженную пушку гребаным психам вроде вас?

Скины окаменели. Вожак на полу с трудом прохрипел:

– Ладно, твоя взяла... Давай в открытую...

Карим пнул его в пах. Парень завопил не своим голосом. Сыщик нагнулся и скрутил ему ухо так, что треснули хрящи.

– В открытую, значит? С такими вонючими гнидами? – И он разразился нервным хохотом. – Ну, насмешил... Эй, вы, сучьи дети, к стенке! Руки за головы! Девки тоже!

И он выстрелил в неоновые трубки на потолке. Яркая голубоватая вспышка озарила помещение, лампы рухнули наземь и с грохотом взорвались. Скины в панике заметались по ангару, жалкие, теперь совсем не страшные. Карим заорал, не жалея голосовых связок:

- Всем вывернуть карманы! Кто дернется, разнесу колени к чертовой матери!

Он видел происходящее сквозь багровые волны тумана, заставшего глаза. Ткнув пистолетом в ребра жоака, он спросил чуть тише:

- Чем ширяетесь?

Тот все еще плевался кровью:

- Че... чего?

Карим прижал пистолет посильнее.

- Я спрашиваю, какие у вас дурики?

- Амфет... таблетки... и еще клей...

- Какой клей?

- «Ди... Диссопластин».

- Где он?

- В мешке для мусора... там, возле холодильника.

Карим попятился, не сводя глаз ни с раненого жоака, ни с остальных, стоявших к нему спиной, и держа их на мушке. Лево́й рукой он опрокинул мешок, и оттуда высыпались тысячи ампул, таблетки и тюбики с «Диссопластином». Подобрал тюбики, он пересек ангар и выдавил весь клей на пол рядом со шкурами. Попутно он пинал их в икры, в спины и отшвыривал подальше брошенные ножи.

- А теперь повернитесь и слушайте меня, парни! Сейчас вы сделаете легкую зарядку: будете отжиматься на руках - за мое драгоценное здоровье! И девки тоже. А ну, все живо, руки - в клей!

Ладони скинов дружно зашлепали по «Диссопластину», который брызгал между пальцами. На третьем шлепке их руки намертво прикипели к битуму. Скины корчились на полу, выворачивая запястья, но встать никто не мог.

Карим подошел к вожаку, сел рядом, скрестив ноги в позе «лотос», и глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Теперь его голос звучал почти нормально:

– Где вы были вчера ночью?

– Это... это не мы!

Карим насторожился. Он усмирил скинов из чистой бравады и задал свой вопрос лишь для проформы, в полной уверенности, что они не имеют никакого отношения к осквернению могилы. И вот, нате-ка, оказывается, этот что-то знает. Араб нагнулся к парню.

– Ты о чем?

Бритый с трудом приподнялся на локте.

– О кладбище... Это не мы.

– Откуда же тебе известно?

– Мы... мы там ошивались...

У Карима мелькнула мысль: значит, Крозье раздобыл свидетеля. Наверно, кто-то еще утром сообщил ему, что скинов видели около кладбища. И комиссар послал его, Карима, к этим бандитам, не обмолвившись ни единым словом! Ладно, с ним он разберется позже.

– Давай говори!

– Ну... мы туда наладились...

– В котором часу?

- А хрен его знает... Часам к двум, что ли...

- Зачем?

- Да так... коней валить. Мы искали строительные бытовки... Хотели отмудохать черножопых...

Карима передернуло.

- Ну и?..

- Ну, значит, топаем мимо кладбища... Глядим, а решетка-то открыта... И какие-то тени... выходят из склепа...

- Сколько их было?

- Вроде... вроде двое.

- Описать сможешь?

Парень хихикнул:

- Ты что, трехнулся? Мы ж были бухие!

Карим врезал ему по вывернутому уху. Скин подавил крик и только приглушенно зашипел от боли.

- Итак, их приметы?

- Да темно ж было, как у негра в жопе!

Карим призадумался. Теперь он был абсолютно уверен, что в склепе орудовали спецы.

- Ну а дальше?

- А хрен его знает, что там было дальше. Мы сразу усекли, что надо делать ноги, а то навесят на нас и это дельце... из-за Карпантра.

- Это все? Больше ничего не видели? Какие-нибудь мелочи?

- Какие еще мелочи - посреди ночи! Все как вымерло...

Кариму представилась глухая тишина кладбищенских аллей, единственный фонарь - робкое белое пятнышко в полумраке, приманивающее ночных бабочек. И банда бритоголовых наширявшихся ублюдков, горланящих нацистские марши. Он повторил:

- И все-таки?

- Ну... Чуть позже... мы вроде засекли тачку восточной марки, «Ладу» или типа того... Она шла со стороны кладбища. По Сто сорок третьему шоссе...

- Цвет?

- Бе... белый...

- Особые приметы?

- Она... она была вся в грязи...

- Номер запомнил?

- Мать твою, мы ж не легаши какие-нибудь!..

Карим двинул его каблуком в район селезенки. Парень скорчился, извергая кровавую рвоту. Полицейский встал и отряхнул джинсы. Все, больше ему здесь делать нечего. Он слышал за спиной жалобные завывания других скинов. Это действовал клей. Наверняка ожог третьей или четвертой степени. Карим приказал главарю:

– Будь любезен явиться в комиссариат Сарзака. Сегодня же. Дашь письменные показания. Скажи, что ты от меня, и тебя примут как дорогого гостя.

Скин послушно кивал трясущейся головой. В глазах его застыл испуг, точно у загнанного зверя.

– Зачем... зачем ты так, парень?

– Затем, чтоб ты покрепче запомнил, – тихо сказал Карим. – Сыщик – это всегда проблема для таких, как ты. Но сыщик-араб – это самая хреновая из всех проблем. Попробуй еще раз тронуть араба, и я тебя познакомлю с проблемой под названием «сыщик-араб». – Карим последний раз двинул его ногой. – Усек?

И лейтенант пятясь вышел из ангара. По пути он прихватил свой «глок».

Сев в машину, он рванул с места и остановился, лишь проехав несколько километров, в какой-то роще, чтобы прийти в себя и подвести итоги услышанному. Значит, склеп вскрыли до двух часов ночи. Злоумышленников было двое, и они, вполне вероятно, уехали в машине восточноевропейской модели. Карим взглянул на часы: он едва успеет составить рапорт. А расследование придется вести самым серьезным образом: объявить розыск преступников, проверить все водительские права, опросить людей, живущих вдоль шоссе № 143...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Победа! (исп.)

2

Парк-де-Пренс – стадион в Париже. (Здесь и далее – прим. перев.)

3

РСБ – Республиканские силы безопасности во Франции.

4

«Розетка» – шарф или шейный платок болельщика с цветами его команды.

5

Кампус – университетский городок.

6

Обоймы для револьвера системы «манюрен», или MR (англ.).

7

Лицензиат – ученая степень во Франции.

8

Карабин – особый вид застежки, прикрепляемой к обвязке – ремню на поясе альпиниста. Закладка – металлический многогранник, или эксцентрик, с продетой в него петлей из тросика, который под нагрузкой заклинивается в трещинах скал. Жумар – металлический зажим, используемый при подъеме по закрепленной веревке.

9

Магриб – объединенное название стран Северной Африки.

10

Флиппер – электрический бильярд.

11

Передозировка (англ.).

12

На набережной Орфевр расположено Министерство внутренних дел.

13

Скины, или скинхеды (от англ. skinhead – бритоголовый), – молодые люди крайне правой, часто профашистской ориентации.

14

«Фаты» – фашисты, крайне правые.

15

«Мавр» – презрительная кличка североафриканцев, живущих во Франции.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/zhan-kristof-granzhe/bagrovye-reki-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)